

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования
при Отделении общественных наук РАН

Семинар «Россия в историческом и мировом
пространстве»

**Болезни России:
актуальный диагноз
и комплексный прогноз**

*Материалы
постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 3

Москва
Научный эксперт
2009

УДК 303.442.3
ББК 60.561.2(2Рос)
Б 79

Научный руководитель семинара: А.И. Неклесса
Соруководитель семинара: С.С. Сулакшин

Научно-редакционный совет:

В.И. Якунин (председатель), В.Э. Багдасарян,
А.И. Неклесса, А.И. Соловьев, С.С. Сулакшин

Б 79 Болезни России: актуальный диагноз и комплексный прогноз.
Материалы научного семинара. Выпуск № 3. М.: Научный эксперт,
2009. — 120 с.

ISBN 978-5-91290-065-5

УДК 303.442.3
ББК 60.561.2(2Рос)

ISBN 978-5-91290-065-5

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования при Отделении
общественных наук РАН, 2009

Содержание

<i>Неклесса А.И.</i> Вступительное слово научного руководителя семинара	5
Тема семинара	
Болезни России: актуальный диагноз и комплексный прогноз	7
Доклад	
<i>Малинецкий Г.Г.</i> Россия. Выбор будущего.....	7
Выступление оппонента-рецензента	
<i>Межуев Б.В.</i> Недостаток политической ответственности.....	58
Вопросы к докладчикам	63
Выступления	76
<i>Якунин В.И.</i> Модель — это приближение, но жизнь богаче	76
<i>Ципко А.С.</i> Непозволительно будущее страны вновь связывать с утопией.....	80
<i>Окара А.Н.</i> Возможна ли социальная самоорганизация в условиях «абсолютного государства»?.....	86
<i>Чернавский Д.С.</i> Просвещение надо вводить осторожно, по возможности избегая кровопролития.....	89
<i>Багдасарян В.Э.</i> Стадии формирования лечебной диагностики общественного организма.....	91

Фурсов А.И. Кто окажется источником накопления для нового исторического рывка?.....	95
Кара-Мурза С.Г. Болезнь цивилизационного роста способна помочь развитию	101
Гундаров И.А. Нам нужна рациональная психотерапия, объясняющая суть происходящего	103
Сулакшин С.С. Управление страной может вмешиваться в ее «судьбу»	107
Неклесса А.И.	109
Заключительное слово докладчика	111
Тематическая программа научного семинара	117
Список участников семинара	118

Вступительное слово научного руководителя семинара

А.И. Неклесса

Уважаемые коллеги, начинаем третье заседание семинара «ΣΥΝΕΡΓΙΑ. Россия в историческом времени и мировом пространстве». Сегодня мы собрались обсудить тему «Болезни России: актуальный диагноз и комплексный прогноз». Заседание вряд ли будет простым. Но мне хотелось бы, чтобы наши обсуждения носили подлинный характер, чтобы мы умели «ловить реальность», а не занимались публицистической риторикой, возможно, уместной в средствах массовой информации, но уж никак не на научном семинаре. Я хочу сказать, что обсуждение сегодняшней темы может иметь достаточно нелицеприятный характер.

Основной доклад сделает Георгий Геннадиевич Малинецкий, доктор физико-математических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН. Докладчик — человек, который давно занимается темой сценариев развития России, любит эту тему, любит Россию и удачно совмещает то, что обычно весьма сложно совместить — естественнонаучное образование с интересом к социальным проблемам.

Это большая сложность, ибо данные области разделяет различная исследовательская методология, да и сложившийся стиль аналитического мышления. Но есть люди, которым это удается, и удается плодотворно.

Оппонентом-рецензентом сегодня выступит Борис Вадимович Межуев — кандидат философских наук, преподаватель философии в МГУ, заместитель главного редактора журнала «Русский журнал».

Несколько слов о болезнях России. О самих болезнях подробно расскажет докладчик, мы все читали основной текст доклада — соответствующих фактов там приводится немало.

Мне же хотелось бы сказать буквально несколько слов об основаниях.

У России-РФ сегодня немало сложностей. Мы должны учитывать, что Российская Федерация — новое государство; но нередко этот факт как-то забывается, и на страну переносятся политические и социальные реалии, связанные с Советским Союзом или даже Российской империей. Простой факт, правда, порою приводит в чувство: на сегодняшний день на постсоветском пространстве существует 19 суверенных (в той или иной степени) государств. Так что у России-РФ, как уже неоднократно здесь на заседаниях говорилось, и геополитический контур другой, и геоэкономические возможности иные, да и геокультурная обстановка в значительной степени отличается от прежней.

Наша постоянная проблема — мы много работали над ней — это попытка установить идентичность современной России. С одной стороны, тысячелетнее государство, его традиции, а с другой — новое государство, с иным политическим строем, возникшее и существующее в переломную эпоху. Переломную эпоху для всей человеческой цивилизации.

Это серьезная проблема. И отсутствие позитивного ее решения ведет к стагнации, болезни общества. Отсюда — множество смысловых и мировоззренческих проблем. Ведь что такое идентичность или обретение больших смыслов? Отсюда вытекает и концептуалистика, и стратегическое планирование национальной судьбы. Мы же вынуждены сталкиваться с ситуациями, когда концепции оказываются неработающими, а серьезные заявления и крупномасштабные действия противоречат друг другу. Тут явно наличествует проблема, которую нужно рассматривать и решать.

Наверное, можно было бы обратить внимание на сложности политического и экономического порядка, однако я бы сделал упор на проблеме моральной и интеллектуальной деградации страны. Но не буду забегать вперед, у нас есть докладчик. Пожалуйста, Георгий Геннадиевич.

Болезни России: актуальный диагноз
и комплексный прогноз

Доклад

Россия. Выбор будущего

Г.Г. Малинецкий, доктор физико-математических наук

В свое время В.В. Путин назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX века». В самом деле, если в 1980 г. мы имели вторую экономику мира, а валовой внутренний продукт (ВВП) СССР составлял 60% от ВВП США и, примерно, впятеро превышал ВВП Китая и исламского мира, то сейчас — 6% и 1/6, 1/5 соответственно... Следуя цивилизационной логике американского философа и геополитика С. Хантингтона, мир России («восточно-христианская цивилизация» в его терминологии [1]) является самой слабой, «расколотой цивилизацией» среди других цивилизаций, которым в XXI в. предстоит вступить в уже начавшуюся схватку за скудеющие ресурсы планеты.

Сравнение экономических (рис. 1) и демографических потенциалов (рис. 2) показывает, насколько велик разрыв, насколько трудные задачи придется решать гражданам и элитам России в ближайшие десятилетия, насколько точных и дальновидных действий требует эффективное управление страной в существующих границах (именно такую задачу перед властью и государственным аппаратом поставил Президент РФ Д.А. Медведев). Вполне возможно, что в рамках

цивилизационного поля, в логике столкновения с цивилизацией эта задача просто не имеет решения. Следовательно, нужно выходить за эти рамки.

Следуя метафоре, уподобляющей страну живому организму [2], можно сказать, что катастрофа продолжается. Продолжается быстрый (по историческим меркам) распад страны по нескольким направлениям (некоторые из них мы обозначим в этом тексте). Впору заниматься срочной реанимацией огромного государства. Даже поверхностное знакомство с работой медиков-реаниматоров убеждает, что их возможности огромны. Но... Во-первых, только если медицина ясно представляет, какие функции выполняет пораженный орган и каким образом вернуть его к жизни. Во-вторых, если врачу понятно, к чему следует идти, каков должен быть результат его усилий. Российские гуманитарные науки (да и науки в целом) не дали ясного, конструктивного ответа на вопрос о сущности социально-технологического и социально-экономического механизма, частями которого мы являемся (андроповское «мы не знаем общества, в котором живем» — по-прежнему актуально).

С отсутствием убедительного ответа на второй вопрос у исследователей, у элит, у народа страны во многом и связан переживаемый Россией кризис, продолжающееся второе десятилетие безвременье [3].

Блаженный Августин полагал, что прошлого уже нет, настоящее эфемерно, и все помыслы следует сосредотачивать на будущем. Именно такое отношение к реальности, на мой взгляд, является сейчас спасением или, по крайней мере, важнейшим лекарством для России. Сведение счетов с прошлым, трактовка истории как «политики, опрокинутой в прошлое», как показывают многочисленные дискуссии, сейчас, как правило, разделяет, а не объединяет в России. Кроме того, болезнью российских реформ последних десятилетий является попытка вернуться в прошлое — скопировать то, что сработало в других условиях и совсем в другое вре-

мя. Попытки «управления из настоящего», «ситуационного управления» или «ручного управления», как показал кризис, неэффективны даже при наличии благих намерений...

Именно будущее — это то, что сейчас может объединить.

В свое время, анализируя кризис российского общества в период Смутного времени, выдающийся русский историк В.О. Ключевский [4, 5, 6] пришел к выводу, что единственными скрепами, позволившими удержать российское общество на грани распада, являлась религия. По-видимому, такими скрепами в XXI в. может стать *общее видение желаемого будущего*, а в основе технологий социального и, в частности, государственного управления будет *«управление из будущего»*.

Жанр и методология анализа

Множество вопросов и дискуссий возникает из-за неверного понимания жанра анализа. Многие дискуссии о пути России в будущее довольно быстро скатываются к политическим препятствиям и вечным спорам о том, что следует предпочесть — «свободу» или «равенство», «либерализм» или «демократию», «права человека» или «государственные интересы». Последующие тексты не имеют никакого отношения ни к вопросам текущей политики, ни к «вечным» социально-политическим или философским проблемам. Более того, в большей степени время политики уже прошло (или еще не наступило). Острота и масштаб нынешней кризисной ситуации в России подводят, с одной стороны, к проблемам смыслов, ценностей, обретения будущего, а с другой стороны — к технологиям, помогающим обеспечить такое понимание, а затем воплотить его в конкретные управленческие решения, в большие проекты, в сценарии социальной самоорганизации, адекватные реалиям XXI в. Поэтому обсуждение носит, в основном, *технологический* характер

(если вкладывать в этот термин то же, что и С. Лем в своей известной работе «Сумма технологии» [7]).

Замечу, что смысл и значение технологий в решении стратегических и исторических задач обычно недооценивается и недопонимается. В самом деле, Великобритания в начале XX в., в лице своих военных и государственных руководителей, не допускала возможности войны с Германией, поскольку та не обладала двумя важнейшими на тот момент технологиями (производство взрывчатки, поскольку поставки нитратов целиком зависели от Англии и выпуск изолирующих материалов — гевея, латекс, каучук — тоже были монополизированы Британией). Это было понято. Технологии в очень короткие сроки были созданы, и путь к Первой мировой войне открыт.

Ядерное оружие в руках двух сверхдержав — СССР и США — обеспечивало стратегическую стабильность в течение полувека.

Теперь ситуация меняется. В XX в. атрибутами сверхдержав были *атомные технологии, космические системы и надежные цифры*. Сейчас появились новые технологии той же степени важности — *проектирование будущего, высокие гуманитарные технологии* (пример которых дают оранжевые революции), *технологии сборки и разборки социальных субъектов*. При этом второй набор технологий обесценивает первый. Для чего нужен «ядерный чемоданчик», если элита данной страны не воспользуется им ни при каких условиях, и геополитический соперник это понимает и в этом уверен? Какой толк в космических технологиях, если новая Россия остановила развитие этой отрасли и, к примеру, в течение 17 лет не имеет аппаратов в дальнем космосе и не наверстывает упущенное в сфере систем глобального позиционирования гражданского назначения? Для чего нужны надежные цифры, если агенты в штабах способны сообщать противнику интересующую его информацию в режиме реального времени?

Второй набор технологий *междисциплинарен*. С одной стороны, он имеет дело с человеком, поэтому должен опираться на представления, методы, теории гуманитарных дисциплин. С другой стороны, необходимость получения конкретного предсказуемого результата и предвидение последствий заставляют обратиться к количественному описанию, к результатам мониторинга, к математическому моделированию и методологии естественных наук. И здесь есть большое поле для фундаментальных и прикладных научных исследований.

В самом деле, гуманитарным наукам такие требования к прогнозу и технологиям внове, да и математизированные теории здесь только складываются. В то же время, естествовников и математиков в предыдущие 300 лет «об этом не спрашивали». Мировая наука этот пробел активно восполняет. В России подобные работы ведутся (например, подпрограмма «Математическое моделирование и системный анализ мировой динамики» фундаментальных исследований Президиума РАН, ведущая организация — Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, руководитель — академик В.А. Садовничий). Однако они только начаты, проводятся в явно недостаточном объеме, и вопрос о том, как их результаты будут доводиться до лиц, принимающих решения (что делается во всех развитых странах, заглядывающих в свое будущее), пока не ставится. В то же время, в нашей стране результаты подобных работ желательно было бы иметь 20, а лучше — 30 лет назад. Мы очень сильно опаздываем в этой жизненно важной области.

Постараемся сохранить преемственность по отношению к работе [2], и будем избегать эмоциональных оценок и опираться на сравнительный анализ, на данные мониторинга, дающие временные ряды (измерения состояния системы в последовательные моменты времени) и результаты математического моделирования. Необходимость понимания обсуждаемых проблем широким кругом экспертов определяет

и способ изложения, опирающийся на язык графиков и диаграмм количественных показателей и практически не использующий формул.

Естественные науки, как и гуманитарные, представляют собой важнейшую часть культуры человечества. Поэтому проблемы, стратегии и трудности у них, зачастую, общие. Одно из распространенных затруднений связано с «проклятием анализа» (анализ — в дословном переводе — расчленение). Рассматривая сложный объект, жизнь которого определяется множеством взаимосвязанных процессов, разворачивающихся на разных временных и пространственных масштабах, трудно избежать соблазна учесть как можно больше факторов, переменных, взаимодействий.

Один из примеров такого подхода (в определенных ситуациях вполне оправданного) дает *концепция критических показателей*, выдвинутая в Институте социально-политических исследований РАН. В соответствии с ней, показатели России соотносятся с теми, которые в мире считаются катастрофическим. Если российские показатели близки к таковым или превосходят их, такие показатели относятся к критическим. Типичный пример представлен на рис. 3. Многие показатели здесь кажутся вполне логичными. Например, уровень падения промышленного производства. В качестве критического здесь выбран уровень Великой депрессии, с которой американцы любят соотносить все беды своей экономики. Тогда производство падало более чем на треть. В результате российских реформ Ельцина — Гайдара — более чем наполовину. В мире критическим уровнем потребления алкоголя считается 8 л/год на человека (в пересчете на спирт). В России — примерно 15,6 л/год (две катастрофические нормы!). В 1996 г. Россия находилась в закритической зоне более чем по 20 позициям. С одной стороны, такая информация полезна для руководителя — он видит целый ряд болевых точек и может количественно оценить, насколько ситуация, в которой находится объект управления, далека от нормы.

С другой стороны, естественное желание последней вернуть ситуацию к норме и воспользоваться критическими показателями в качестве инструмента для выбора приоритетов. Это-то сделать и не удастся: нельзя одновременно двигаться более чем по 20 направлениям. И дело не только в том, что на это *нет ресурсов*. Здесь возникают чисто *управленческие ограничения*. Приоритетов не может быть много. Дело в том, что, по данным психологов, человек может учитывать, принимая решение, не более 5–7 факторов, следить не более чем за 5–7 переменными, медленно меняющимися во времени, активно и непосредственно работать не более чем с 5–7 людьми (остальным приходится управлять опосредованно, с этим и связана узость «ближнего круга» — те же 5–7 человек) [8].

Почему же, тем не менее, нам удастся и разбираться в сложных ситуациях, и достаточно эффективно действовать во многих из них? В современном естествознании ответ на этот вопрос связывают с *самоорганизацией* — самопроизвольным, спонтанным упорядочением переменных, факторов, стратегий. Простой пример самоорганизации — возникновение очереди. В рамках данной культуры она возникает естественно, без руководства извне (есть культуры, где это не так).

В этом контексте кризис связан с заменой одного типа самоорганизации другими [9]. Умение ходить, говорить, видеть мир, как установили физиологи, — результат самоорганизации в нервной системе. Например, мышцы человека имеют 400 степеней свободы, которыми он в принципе может сознательно управлять; и младенец, обучаясь ползать или ходить, пробует и устанавливает «правильные» взаимосвязи между различными движениями. Аналогичный процесс происходит при накоплении профессионального опыта лечащим врачом. Работа прикладных математиков с врачами — с целью выявить их профессиональный опыт и скрытое знание [10] — это наглядно показала. Типичная картина: во многих ситуациях состояние больного характеризу-

ется 300–400 переменными, которые и рекомендуют принять во внимание медицинские учебники. Но поскольку это невозможно, то выбор «правильных» переменных происходит в процессе практической работы под руководством более опытного специалиста. Здесь происходит самоорганизация в пространстве стратегий или решающих правил.

Поэтому вполне естественно, что на многие процессы в социальной, экономической, политической, психологической и многих иных сферах сейчас смотрят сквозь призму самоорганизации.

Самоорганизация, спонтанное восстановление упорядоченности, представляется столь же фундаментальной сущностью в нашей реальности, как движение, информация, сознание. Самоорганизация в разных обликах выступает на разных уровнях организации материи — от возникновения галактик и планет до процессов обучения и появления социальных структур.

Именно самоорганизация дает надежду на возможность *понимания*, возможность описывать сложные системы просто. Именно она может быть положена в основу синтеза в научных теориях, в принятии стратегических решений, в проектировании будущего. Именно с этих позиций мы и посмотрим на болезни, проблемы и будущее России.

Более подробное обсуждение этих проблем представлено в сборниках [11, 12].

Мир-системный подход и поиски места России

Чтобы понять свойства системы следует осмыслить, элементом какой подсистемы этот объект является, каково его место, роль и перспективы в структуре целого. Этот подход, активно развиваемый И. Валлерстайном [13] и получивший название мир-системного, помогает осознать единство и общность тех проблем, с которыми столкнулся современный мир.

Исследования последних лет внесли решающие аргументы в пользу мир-системного подхода. Разумеется, это не отрицает важности и плодотворности иных подходов к

ретроспективному осмыслению исторических процессов (цивилизационному, формационному, этногенетическому и другим).

Просто оказалось, что на большом временном интервале (более 200 тыс. лет) мир можно рассматривать как единую целостную систему, развивающуюся в едином ритме.

В XIX в. Томас Мальтус — священник, экономист и профессор — выдвинул теорию, в соответствии с которой численность человечества N растет в зависимости от времени t в геометрической прогрессии (в одинаковое число раз за одинаковые промежутки времени) или, на языке дифференциальных уравнений:

$$\frac{dN}{dt} = \alpha N, \quad N(0) = N_0, \quad N(t) = N_0 \exp(\alpha t), \quad (1)$$

где N_0 — начальное значение численности на рассматриваемом промежутке, α — так называемый мальтузианский коэффициент.

И действительно, исследования в области популяционной биологии показали, что все виды — от амёб до слонов — в условиях избытка ресурсов растут по закону (1). Все, кроме человека. Исследования палеодемографов и изучение доступной, с некоторого времени, статистики показали, что численность человечества росла по иному — нелинейному закону:

$$\frac{dN}{dt} = \alpha N^2, \quad N(0) = N_0, \quad N(t) \sim \frac{1}{t_f(N_0) - t}. \quad (2)$$

Это иной — *гиперболический* закон. Он относится к классу так называемых *режимов с обострением*. Это режимы, при которых одна или несколько величин, характеризующих систему, обращаются в бесконечность за конечное время — *время обострения* (для человечества, исходя из его исторического пути, пройденного за 2000 веков, — это 2025 г.) (рис. 4). [14]

Иными словами, несмотря на войны, эпидемии, природные катаклизмы, человечество стремительно росло, не зная границ (сейчас его численность превышает численность самого эволюционно близкого нам вида — шимпанзе — более чем в 10 000 раз). Нелинейность и сущность закона (2) связана с тем, что человечество создавало технологии. И среди них важнейшие — *алгоритмы передачи во времени* (следующим поколениям) и *в пространстве* (из региона в регион) *найденных, апробированных и наиболее успешных способов жизнеобеспечения* (методов уменьшения смертности и увеличения рождаемости). Именно этот сверхбыстрый интенсивный рост и был основой всей предшествующей истории (человечество не только увеличивалось в своей численности, но и постоянно расширяло экологическую нишу, ареал своего обитания). Это и было главной пружиной исторического процесса. С ним связана господствовавшая в XIX в. вера в прогресс и философия исторического оптимизма.

Если сравнивать человечество с организмом, то оно пережило детство, отрочество и вступило в юность, когда физический рост сильно замедляется.

В свое время выдающийся французский историк Ф. Бродель — представитель школы «Анналов», анализируя количественную сторону исторических процессов, пришел к удивительным результатам. Он и его школа начали количественную революцию в истории. Сейчас делается следующий шаг — в его основе исследовательская программа, связанная с построением *математической истории* (приложение 1). В основе этого подхода лежит математическое моделирование исторических процессов. Это позволяет *ввести в историю сослагательное наклонение*, дает возможность создать серьезную научную основу для *стратегического прогноза*.

С точки зрения мир-системного подхода, для мира, как целого, были характерны: непрерывный нелинейный рост населения (рис. 5), рост в режиме с обострением глобального валового продукта (рис. 6), повышение уровня образования

(рис. 7). Режим с обострением означает *сокращение исторического времени*, когда все большее количество событий, перемен укладывалось во все меньшие временные промежутки.

В этом контексте главным содержанием переживаемой исторической эпохи оказывается *глобальный демографический переход* — резкое (на протяжении жизни одного поколения) уменьшение скорости роста числа людей. Отличие от прежней траектории (рис. 4) уже достигло более двух миллиардов человек. Множество других процессов на этом фоне являются подчиненными или вторичными. По масштабу и важности переживаемый период можно сравнить с неолитической революцией. В обоих случаях человечество *меняло алгоритмы своего развития* (говоря словами выдающегося математика и мыслителя академика Н.Н. Моисеева [15]). И системные механизмы, ответственные за этот процесс, должны быть столь же глубокими и фундаментальными, и масштабы перемен в главном, в жизнеустройстве, должны быть такими же грандиозными.

Существует несколько теорий, объясняющих этот важнейший процесс (интересно, что все они были построены исследователями, работавшими в ИПМ или тесно с ним сотрудничавшими). В соответствии с *демографическим императивом*, выдвинутым С.П. Капицей [14], нелинейный рост и развитие человечества как целого обеспечивалось *информационным взаимодействием* — накоплением, передачей и использованием важной для выживания людей информацией. Переход в этом контексте обусловлен физическими ограничениями человека — его скоростью роста и взросления и неспособностью использовать уже имеющиеся информационные возможности для решения своих насущных задач. Другая теория, выдвинутая А.В. Подлазовым, связывает развитие с *технологическим императивом* — возможностью продлевать жизни и сокращать смертность за счет использования технологий (промышленных, сельскохозяйственных,

социальных, управленческих и иных). Демографический переход в этом контексте вызван насыщением этих технологий, неспособностью далее увеличивать продолжительность жизни «в среднем по человечеству» [16]. Наконец, *культурный императив*, выдвинутый А.В. Коротаяевым, А.С. Малковым, Д.А. Халтуриной, связывает переход от стратегии «высокая смертность — высокая рождаемость» к стратегии «низкая смертность — низкая рождаемость» с культурными факторами [12, 17].

Прежняя траектория мир-системы теряет устойчивость. То есть, возникает ситуация, в которой малые, по мировым меркам, события могут иметь глобальные последствия (Чернобыль, 11 сентября 2001 г. и т. д.). Появляются новые возможности. Наступает время выбора одной из альтернатив. В синергетике при этом говорят о точке бифуркации [12]. Известный футуролог Э. Ласло говорит о макросдвиге [18] как о главном содержании предстоящей эпохи и необходимом условии выживания человечества.

В отличие от многих других дисциплин, демография является точной наукой, а демографические процессы оказываются достаточно медленными и плохо управляемыми (мысль поддержать женщин благородна, но никаких иллюзий в отношении «материнского капитала» быть не должно). И из глобальных прогнозов немедленно следуют конкретные выводы для России. На рис. 8 представлен прирост населения в развитых и развивающихся странах. Видно, что прирост населения в развивающихся странах будет подавляющим. Это означает возможность глобального переселения народов.

С другой стороны, именно в быстром изменении демографических потенциалов Дж.М. Кейнс видел основную предпосылку Первой мировой войны.

Кроме того, в ближайшие десятилетия следует ожидать огромного, не сравнимого с нынешним, потока мигрантов. Поэтому трудно надеяться, что основная часть страны будет «русской по крови». Но для того, чтобы страна сохранила

целостность и перспективы развития, она должна быть «русской по духу». Язык, ощущение единства исторической судьбы, более высокий стандарт отношений, моральные нормы, более высокий уровень образования и используемых технологий на этом рубеже — превращаются из благих пожеланий в условие выживания и развития мира России.

Смыслы, ценности и общее будущее приобретают безусловный приоритет перед всем остальным (в этом контексте широкое использование, по сути, рабского труда мигрантов в мегаполисах, целенаправленное «опускание» высшей и средней школы России, криминализация общественного сознания предстают как факторы геополитики и геокультуры, а не как «отдельные недостатки»).

Демографический прогноз для России, показывает, что к 2050 г. население страны будет составлять менее 100 млн, какие бы радикальные действия сейчас не предпринимались (рис. 9). Отсюда следует, что у нас исчезает возможность «брать числом, а не умением». Каждый работающий человек существенен (к 2050 г. ему предстоит содержать не менее одного пенсионера). Это означает новое, гораздо более серьезное, чем сейчас, отношение к вложениям в человеческий капитал, и ставка должна делаться на высокие технологии во всех сферах жизнедеятельности — от обороны и управления до промышленности и образования.

Из мир-системного подхода следует интересная историческая параллель. Мир начала XX в. и начала XXI в. — время однополярного мира. Доминант Британия жестко контролировал рынок главного энергоносителя — угля, структуру основных мирохозяйственных связей и активно проводил политику глобализации. Зоной ускоренного развития, ставшего возможным благодаря новой «нефтяной» энергетике, оказались США. Доминант слабел, его возможности поддерживать отстроенный им мировой порядок сокращалась. Мир шел к хаосу. Доминант XXI в. — США находится в аналогичном положении. Потребляя более 40% ежегодно добы-

ваемых в мире ресурсов, США производят всего лишь 20% глобального валового продукта. У нефтяной цивилизации появились серьезные проблемы (рис. 10). Такое доминирование и сверхпотребление невозможно без подавляющей военной мощи (рис. 11). Из этого рисунка следует, что США тратят на оборону больше, чем все остальные страны мира вместе взятые (отдельно можно было бы обсудить изменение методов борьбы и алгоритмов противостояния цивилизаций в XXI в).

Однако Россия, располагая 30% мировых природных богатств, производит лишь 1% глобального валового продукта. Такие страны долго, по историческим меркам, не живут. Из мир-системного подхода следует, что страна сможет существовать в нынешних границах, только если ей удастся весьма быстро изменить свое место в мировом геокультурном, геоэкономическом и геополитическом пространстве. Масштаб этой задачи требует сверхусилий от нынешнего и двух следующих поколений. Эта задача — по масштабу, сложности и значению — сравнима с той, которую решило поколение, победившее в Великой Отечественной войне.

Мир сейчас находится в важнейшей точке выбора (точке бифуркации, говоря языком синергетики). Выбирается конструкция будущего. Одна возможность связана с построением «многоэтажного мира». В результате самоорганизации формируется огромный мировой организм, в котором одни страны, регионы, элиты играют роль «мозга», другие — «рук», третьи — выполняют функции иных органов. Новое кастовое общество, новое Средневековье. Здесь неравенство закладывается, как во многих обществах XX в., в саму структуру социального мира. Другой мегапроект связан с «остановкой истории», с «торможением человечества», замораживанием нынешних проблем, противоречий вызовов. Наконец, одна из перспектив связана с модификацией человека, приданием ему дополнительных возможностей и изменением всей сферы воспроизводства и жизнеобеспечивающих технологий.

К сожалению, весь этот круг проблем, от способов решения которых зависит наше будущее, будущее страны и мира, в России всерьез не исследуется и, хуже того, не осознается.

На что можно опираться, анализируя изменения такого масштаба и памятью о междисциплинарности? На наш взгляд, на глубокое исследование исторических процессов, их количественный анализ и математическое моделирование. Это путь не только к пониманию пройденного человеческого пути, но и к анализу *альтернативных вариантов прошлого*. Это, в свою очередь, — ключ к проблемам стратегического прогноза, к *проектированию будущего*. Это направление работ получило развитие в исследованиях, связанных с построением *математической истории* (приложение 2) [19].

На основе имеющихся временных рядов, характеризующих изменение этих величин в XX в., Дж. Форрестером были предложены феноменологические уравнения, связывающие скорости изменения этих величин с самими величинами [20]. Результаты компьютерных расчетов оказали большое влияние и на экспертов, и на ученых, и на общественное сознание. Эти научные результаты привели к рождению и развитию экологии в ее нынешнем виде, способствовали формированию концепции устойчивого (*sustainable* — «самоподдерживающегося») развития. Из этих расчетов следовало (рис. 12), что мир-систему к 2050 г. ждет коллапс. В самом деле, наука XXI в. не дала дешевых, чистых и безопасных источников энергии. И мы, точно так же как и в начале XX в., используем нефть преимущественно в качестве топлива (помнится, в свое время Д.И. Менделеев сравнивал разумность этого проекта с топкой печек ассигнациями). С другой стороны, человечество не занимается всерьез отходами своей жизнедеятельности, а ни один вид, как учит биология, не может жить в среде, состоящей из собственных отходов.

Выход существует. Он очень прост по своей идее, достаточно прост в рамках модели, но весьма сложен в исполнении для всего человечества. Дело в том, что именно здесь,

возможно, впервые в истории, ему предстоит выступить как единому целому. Ему нужно создать *гигантскую отрасль промышленности, связанную с переработкой создаваемых и уже созданных отходов* (сравнимую по масштабу со всем оборонным комплексом мира) и *огромную отрасль, ориентированную на рекультивацию земель, выведенных из хозяйственного оборота*. В этом случае макропеременные (параметры порядка) можно вывести на постоянные значения. По сути, это окончание роста человечества «вширь» и, вероятно, начало иного движения, другого направления прогресса, которого мы пока не понимаем. Прошедшие 30 лет показали, что подобные модели (их обычно называют *моделями мировой динамики*) достаточно хорошо дают не только качественное, но и количественное описание мирового развития, его тенденции. И еще, они наглядно показали, что мир пока не готов к таким подходам, что все эти идеи пока не могут выйти из университетских аудиторий.

В основе подобных моделей лежало представление о том, что принципиальными и наиболее важными являются ресурсные ограничения, с которыми столкнулось человечество. Однако сейчас возникают сомнения в таком подходе. Как известно, скорость эскадры определяется скоростью самого медленного корабля. И этим «самым медленным» кораблем и является сам человек!

Можно провести аналогию с первым взятием Рима варварами. Рим был гораздо сильнее и, с точки зрения ресурсов и технологий, многократно превосходил варварские племена. Но, как на грех, в день нашествия мужчины были задействованы в театрализованном представлении и, по сути, никто так и не вышел защищать город (во всяком случае, именно так это оценивает Э. Гиббон [21]). Произошла катастрофа в массовом сознании и сознании элиты. Воюют люди, а не оружие. Если разрушено оборонное сознание, то страна беззащитна. Если человечество или отдельная цивилизация не желает думать о будущем, проектировать и строить его, со-

средоточившись на сиюминутном, то совсем не очевидно, что будущее таких общностей (тем более, в эпоху перелома) состоится.

Более того, правильные слова, которые говорятся на семинарах, в аудиториях, которые пишутся в книгах и статьях, ничего не значат. В переломные, кризисные эпохи слово девальвируется, ему не верят, оно ничем не оплачено, да и говорящие нечасто вкладывают в слова какое-то содержание и при этом надеются быть услышанными. Думаю, что в Риме упомянутого времени не было недостатка в красноречивых политиках и речах о национальных интересах, имперском величии и патриотизме.

К сожалению, все это имеет непосредственное отношение к нынешней России.

В самом деле, безусловный приоритет высоких технологий и обрабатывающего сектора в развитии страны, необходимость опоры на собственные силы многократно обсуждались и обосновывались [22] на самых разных уровнях, включая президента и премьера, принимались законы. Но... воз и ныне там. И уже почти десяток лет. Мне довелось разбираться в причинах этого, искать выходы из этой ловушки. Некоторые выводы из этого анализа представлены в приложении 2.

В настоящее время мы столкнулись с известным в российской и мировой истории феноменом, когда правящая элита делает одно, декларирует другое, думает третье («феномен перестройки»), а основная часть населения пассивно наблюдает за происходящим («народ безмолвствует»: по социологическим данным 93% граждан России считают, что они не имеют никакого отношения к принимаемым государственным решениям и, соответственно, не несут за них никакой ответственности).

Внешнее проявление глубокого неблагополучия — отсутствие идеологии в современной России, понятых и принятых большинством населения императивов, национальной идеи.

Трудно не согласиться с тезисом, выдвинутым С.С. Сулакшиным: «Национальная идея должна дать «смысл жизни» стране (если страна — это «живой» организм), смысл присоединения к этой стране — для различных народов и различных государств и регионов. Именно поэтому у сотен стран мира национальная идея существует. Если усиливать тезис, то без национальной идеи никакая государственность в долгосрочной перспективе не может существовать» [2].

Говоря языком синергетики, идеология, национальная идея — это важнейший параметр порядка в пространстве смыслов и ценностей. Он особенно важен, если рассматривать мир России как уникальную самодостаточную цивилизацию, для чего, как показывает обсуждение и на этом семинаре, есть все основания.

В течение ельцинского периода российской истории, который В.Ю. Сурков назвал «зоологическим», необходимость идеологии попросту отрицалась. Призывы «покончить с идеологией», жить без «измов», «жить как все» всерьез звучали с высоких трибун. Элита на этом рубеже оказалась «проще» того объекта, которым ей следовало управлять.

Попытки включить в «повестку дня» идеологию и национальную идею, предпринятую В.Ю. Сурковым, следует признать неудачными. Они не были и поддержаны ни сверху, ни снизу. Переход от конъюнктуры к принципам, от манипулирования к политике не состоялся.

Роль и принципиальное значение идеологии, национальной идеи, смыслов и ценностей, которые общество выбрало в качестве системообразующих, наглядно показывает рис. 14. Стало общим местом отсутствие в России продуманной, последовательной, научно обоснованной *политики* во всех областях жизнедеятельности. Причина этого — отсутствие *стратегии* — долговременных целей, перспектив, больших проектов, которые реализует общество. Отсутствие *стратегии* обусловлено тем, что нет понятных и отрефлексированных элитой и массовым сознанием *национальных интересов*.

Их же нет, поскольку российское общество не имеет видения будущего, ясного и вдохновляющего представления о мире, в котором предстоит жить детям и внукам, следующим поколениям, представления о России в 2030-м или 2050 г. Дело в том, что половина населения считает себя в душе советскими людьми, а треть готовы быть американцами второго или третьего сорта. С. Хантингтон прав: в начале реформ общество было расколото, но и сейчас, после многочисленных проб и ошибок, потерь и разочарований — целостности обрести не удалось.

Видение будущего подразумевает, с одной стороны, рефлексию в пространстве смыслов и ценностей. Это дело общественных организаций, политиков, элит. С другой стороны, требуется оценка коридора возможностей страны, серьезный анализ альтернативных сценариев ее развития и связанных с ними рисков. В основе этого — работа ученых и экспертов.

Оценка коридора возможностей требует развитой системы мониторинга опасных явлений и процессов в природной, техногенной социальной сферах системы математических моделей, обеспечивающих прогноз, и системы управления, позволяющей использовать сделанные исследователями предсказания и предупреждать чрезвычайные ситуации. Более того, эта деятельность не только важна и благородна, но и чрезвычайно выгодна экономически: каждый рубль, который вложен в прогноз и предупреждение, позволяет сэкономить от 10 до 100 руб., которые пришлось бы вложить в ликвидацию или смягчение последствий уже произошедших бед [23]. Что должно быть сделано, и почему это до сих пор всерьез не делается — обсуждается в приложении 3.

В нынешнее переломное время в истории России, в эпоху российского и мирового кризиса стране требуется очень точное и эффективное управление. Последнее предполагает наличие высокопрофессионального научного сообщества, отличную организацию его работы и использование соответствующих результатов в системе управления. Всего этого, в отличие от многих развитых государств, в нашей стране пока

нет. В то же время, именно экспертиза принимаемых государственных и многих других решений должна была бы быть главной функцией российской науки. Этот взгляд обоснован в недавно вышедшей книге [24], а пути организации экспертизы в нынешней реальности обсуждаются в приложении 4.

В формулировках большинства стран мира присутствует рациональная, эмоциональная и интуитивная компоненты. Напомним традиционную уваровскую триаду — «*Православие. Самодержавие. Народность*». В варианте, выдвинутом В.Ю. Сурковым, триада иная — «*Свобода. Достаток. Справедливость*».

Оглянемся в прошлое и попробуем сформулировать императивы мира России, отличающие его от западных и восточных цивилизаций (более подробное обсуждение этого круга проблем представлено в работах [25, 26]).

Духовное выше материального. Россия — страна с экстремальными географическими и геоэкономическими условиями. Поэтому, к примеру, неудивительно, что русский Север осваивали монастыри, и идея служения заменяла традиционные для Запада материальные стимулы. И рациональный западный расчет (наполеоновское «Бог любит больше батальоны») заменялось интуитивным и пророческим («Не в силе Бог, а в правде»).

Общее выше личного. В условиях традиционного в основе своей общества действуют иные механизмы самоорганизации (этот феномен объяснялся и описывался В.А. Лефевром — первая и вторая этические системы, С.Г. Кирдиной — X и Y социальные структуры [19]).

Справедливость выше закона. Представление о справедливости играет важнейшую роль в мире России, принципиально отличающуюся от значения категории «закон» в западном обществе.

Будущее важнее настоящего и прошлого. Во многих ситуациях именно это обеспечивало сверхусилия, прорывы в будущее.

Поэтому традиционная российская триада могла бы выглядеть как «*Духовность. Соборность. Справедливость*».

Россия — страна, идущая в будущее. И живущая этим будущим. Утрата образа будущего — один из самых тяжелых ударов по миру России в пространстве смыслов и ценностей. Именно поэтому проектирование будущего России играет огромную роль не только для завтрашнего, но и для сегодняшнего дня.

И здесь мы подходим к риску и угрозе, которая представляется одной из главных. Это «переформатирование» смыслов и ценностей российского общества, превращение народа в население, утрата субъектности, ликвидация исторической памяти, лишение цивилизационного кода. Простейший способ осуществить все это — разрушить связь между поколениями («... порвалась времен связующая нить...»). Это происходит на наших глазах. Это важнейший результат бессмысленных и беспощадных экспериментов, производимых элитой над средней и высшей школой России.

Бисмарк говорил, что войны выигрывает школьный учитель. В XXI в. это верно в еще большей степени. Противостояние цивилизаций, их столкновение или диалог сейчас происходят в пространстве смыслов, ценностей, образов будущего. И в этом Россия сейчас оказывается слабее своих оппонентов. Жизненно важно было бы изменить такое положение дел в ближайшие годы.

Российский диагноз — шизофрения и рак

Сравнивая страну с живым организмом, можно сказать, что в настоящее время она больна двумя тяжелыми болезнями.

Первая — болезнь психики — аутизм, перерастающий в шизофрению. Аутизм характеризуется отторжением, неадекватной реакцией на все неприятное и волнующее, склон-

ностью к стереотипным реакциям и неспособностью к обучению, к тому чтобы извлекать опыт и уроки из своих же ошибок. Происхождение российского аутизма понятно — это ожидаемая реакция людей, своими руками разрушивших свою страну. Аутизм ведет к примитивизации и обеднению внутреннего мира больного (Б. Беттельгейм назвал мозг аутичного человека «пустой крепостью»).

Развитие аутизма может приводить к шизофрении, к раздвоенности сознания. Фантомы, галлюцинации, страхи выводят на уровень сознания то одну, то другую личность.

Приведем два очевидных примера, хотя их число может быть многократно умножено. Аутизм российского общественного сознания связан с его кажущейся «наивностью». Вспомним пирамиду МММ: «Я не халявщик, а партнер»! И пирамиду московского жилья, которое подорожало за 10 лет шестеро!

Значительная часть населения «верила», что можно воровать, не работать, брать кредиты на много лет в стране, которая почти ничего не производит, складывать нефтедоллары в кубышку Стабилизационного фонда. Это интересный социально-психологический феномен, который ждет своих исследователей и своих математических моделей. Картина кажется парадоксальной: элита и население огромной страны ведут себя как Буратино, закапывавший свой единственный доставшийся ресурс на поле чудес в стране дураков по совету лисы Алисы и кота Базилио.

Доктрина Путина, как ее понимают в большей части российской элиты и многие западные партнеры, сводится к императиву «Россия войдет в Запад как государство». Но обе части этого утверждения противоречат друг другу, и разные части российской элиты реализуют разные части этого посыла. «Как государство» — и мы видим государственный вектор в некоторых действиях и в неких политических фигурах (принуждение Грузии к миру, сближение с рядом латиноамериканских государств и т. д.). «На Запад» — финансирование американ-

ской экономики, утрата имевшихся позиций в международном разделении труда и отправление функций сырьевого придатка, разрушение ряда системообразующих структур российского общества. Но Запад не хочет принимать Россию как государство! Он готов «переваривать» ее по кускам и поддерживать постоянный демонтаж «мира России».

Как связан с криминалом и коррупцией, которые приняли немыслимый для развитых стран размах. По данным Генеральной прокуратуры РФ, объем взяток, даваемых ежегодно в России, сравним или превышает национальный бюджет. «Откаты», требуемые уважаемыми министерствами, — все это уже принимается как должное и не вызывает возмущения. Россия все дальше уходит в криминальное зазеркалье. Очевидно, кризис усугубит эти процессы. Криминальные метастазы поразили практически все системы и уровни российского общества. Лечение такого тяжелого недуга не может быть легким и быстрым.

Следствие этих болезней — происходящей на наших глазах постоянный распад страны. Очертим лишь некоторые, наиболее важные линии распада.

Территориальный распад. Страна пока не имеет своего большого проекта. Ряд альтернатив и возможных путей обсуждается в приложении 5. Однако ни один из них не стал пока даже предметом серьезного обсуждения и, тем более, проработки на том уровне, который необходим для государственного управления. Однако другие цивилизации свои проекты имеют и реализуют их и в мире в целом, и на территории России — в частности. В последние 10 лет Д.С. Чернавским была разработана *динамическая теория информации* [26]. Эта теория позволяет оценить, как меняется со временем в разных областях пространства число носителей разных типов ценной информации. При этом таковой может быть владение каким-либо языком, зона хождения определенной валюты, приверженность некой конфессии или цивилизационному проекту. Исходя из этой теории, сотрудником ИПМ

А.С. Малковым был представлен прогноз зон влияния, на которые будет разбита Россия к 2030 г. в случае инерционного сценария развития (рис. 15). Рассматривался сценарий без военного вмешательства. Курилы и Сахалин отходят к Японии, значительная часть Приморского края — к Китаю, Камчатка, Чукотка, Восточная Сибирь и часть Западной Сибири оказываются под протекторатом США, появляются мусульманский анклав в Поволжье и Северо-Западная республика. Сценарии с сохранением территориальной целостности России требуют сверхусилий от этого и следующего поколений и реформатирования элиты.

Социальный распад страны. Реформы привели к гиперполяризации российского общества, на одном полюсе которого до кризиса было около сотни долларовых миллиардеров, а на другом — более 40 млн человек, живущих за чертой бедности. Такая экономико-социальная структура неустойчива. Средний класс слаб, малочисленен и не способен стабилизировать такое общество. Кризис усугубит это положение и подведет страну ближе к черте, за которой начинается революция.

Демографический распад страны. Разные этнические группы в стране имеют разную воспроизводственную стратегию. Однако в целом страна вымирает: за время реформ численность населения страны сократилась более чем на 10 млн человек... Обычно, обсуждая эту тему, приводят «русский крест» — пересечение кривых рождаемости и смертности, которое обычно связывают с реформами (рис. 16). Однако ситуация гораздо серьезней — надлом произошел раньше во времена хрущевской «оттепели» (рис. 17). Именно в это время произошло «приземление» высоких смыслов и ценностей, державших советское общество, взят курс на «расслабление» и догоняющее развитие. Перелом кризисных тенденций в демографической сфере, в лучшем случае, потребует десятилетий, потребует изменения жизнеустройства.

Распад общества. Стремительно растет доля населения, оказавшегося на дне, утратившего надежды, смысл жизни. По числу убийств и самоубийств на душу населения наша страна вышла на первые позиции в мире. На рис. 18 представлена численность людей, ушедших из жизни по неестественным причинам. Видно, что социальное неблагополучие — главная проблема в этом контексте. Национальной проблемой стало пьянство. Россия является мировым лидером по потреблению тяжелого алкоголя (рис. 19). Назревшие и понятные меры (апробированные в целом ряде других стран) не принимаются. Связь между социальной деградацией, девиантным поведением и злоупотреблением алкоголем очевидна. Примерно половина российских убийств и самоубийств — «пьяные».

Региональный распад страны. В мире уровнем катастрофы считается разница в подушевом региональном продукте в 5 раз. По сути, это означает, что люди начинают жить в разных странах. В России этот показатель более 25. Достаточно отъехать на 100 км от Москвы (не говоря о Сибири и Дальнем Востоке, многих депрессивных регионах в Европейской части страны), чтобы убедиться: Россия сегодня — страна контрастов.

Транспортный распад страны. Цена перевозок, сложившаяся в годы реформ, привела к тому, что большинство населения просто перестало ездить к родным и близким на свадьбы и похороны. Рост цен на энергоносители привел (очевидно, это важнейшее политическое решение, повлиявшее на все российское жизнеустройство) к удорожанию перевозок и связанному с ним разрыву экономических связей.

Этот список может быть продолжен. Однако и сказанного достаточно, чтобы понять, насколько тяжелы недуги, которыми страдает Россия. Без преувеличения, речь идет о глубоком системном кризисе, о самом существовании нашей цивилизации.

Вера. Надежда. Расчет

Можно ли реанимировать Россию? Можно ли преодолеть кризис и пойти вверх, остаться в истории, или наша цивилизация обречена?

Исторический опыт России дает надежду. Ряд видов раковых заболеваний поддается лечению. Известны случаи успеха в борьбе с аутизмом и шизофренией. По-видимому, лечение страны связано с решением трех ключевых задач.

Переформатирование элиты и создание нового государственного аппарата. Жестокий эксперимент, поставленный над Россией, не состоялся. Капитализм в нашей стране не получился. Класс «эффективных собственников» не сложился, и все свелось к растрате и разворовыванию созданного предыдущими поколениями. Кризис еще раз показал колониальный характер имеющейся социально-экономической и политической системы и критическую зависимость хозяйства страны от цены на нефть. Прошедшие 20 лет были растрачены Россией впустую.

Поэтому речь идет о замене субъекта, о формировании новой элиты. Это может быть «революция сверху» в жестком варианте — опричники Ивана Грозного, переориентация с боярства на дворянство Петра I, выдвижение сталинских наркомов. Или в более мягком — Ататюрк, Рузвельт, Эрхард, когда меняется влияние разных социальных групп, но и предшественникам остается часть политического ресурса.

Либо радикальный вариант — снятие элиты целиком. «Верхи» в современной России уже «не могут», а «низы» еще «хотят». Но такая ситуация, даже если ее «разруливать» на уровне политтехнологов, не будет продолжаться долго, особенно если не предпринимать энергичных конструктивных действий, чтобы ее изменить.

И проблема, и возможность заключаются в том, что политики в России уже нет и еще нет (рис. 20). Нормальной в мире считается ситуация, когда в стране есть 6–8 социаль-

ных институтов, которым доверяет большинство населения (именно они и могут изменить ситуацию к лучшему). В истории новой России, как показал социологический мониторинг, до 2000 г. таких просто не было. Речь идет не о демократах или коммунистах — население не в массе своей не доверяло *всем* политическим партиям, Думе, СМИ, армии, церкви и т. д. В 2000 г. ситуация изменилась — большой кредит доверия получил В.В. Путин. По сути, мы имеем дело с чистым листом. *Субъект, готовый предложить большой проект для России и взять на себя ответственность за его реализацию, сказать правду об истинном положении в стране и предьявить идеологию, сразу получит очень многое.*

И среди прочего, ему придется возвращать управляемость государственной структуре, начинать диалог с обществом, учиться и учить «жить не по лжи».

Декриминализация российского общества. Это тяжелейшая задача, поскольку криминал добрался до высших этажей российской власти и структур, созданных для борьбы с криминалом. Мы уже увидели жесткую борьбу различных спецслужб, силовых структур.

Тем не менее, несмотря на сложность проблемы, ряд стран на разных этапах своей истории с помощью различных технологий ее успешно решали.

Более того, нынешние технические возможности дают совершенно новые инструменты, позволяющие сделать криминальную экономику «прозрачной». Мониторинг транзакций в банковской сфере достиг очень высокого уровня. Проблема в людях, в субъекте, в политической воле.

Обустройство России. Нынешний кризис делает очевидной повестку дня на ближайшие 10 лет: «Россия поворачивается лицом к России». Не на Запад, не на Восток, а к самой себе, к своим проблемам.

Советское наследство в массе своей уже проедено. Надо начинать строить. Страна должна сама себя кормить, лечить, обогревать, защищать, строить дома учить, предвидеть.

Мы имеем дело с гигантским кризисом недопроизводства и недофинансирования. Экономика не должна быть «конкурентоспособной» (для России в условиях «совершенной глобализации» это просто невозможно), она должна обеспечивать существование и развитие мира России. Масштаб задач, которые следует решать сейчас в стране, потрясает воображение.

Кризис предполагает акцент на образовании, науке, технологиях, которые определяют облик нового кондратьевского цикла (VI технологический уклад), на больших инфраструктурных проектах. Великий русский государственный деятель С.Ю. Витте говорил, что строит железные дороги для России на 100 лет, и потомкам предстоит решать сходные задачи. Сто лет прошло. Масштабный стратегический проект предлагает РЖД и В.И. Якунин [27]. Еще более масштабный проект выдвинут Фондом развития России (президент фонда — Е.М. Гринев). Здесь речь идет о создании высокотехнологичной транспортной системы (ВТС), включающей систему железных дорог (путь «из англичан в японцы», по выражению академика Н.Н. Моисеева), Северный морской путь, систему аэропортов-хабов, речной транспорт, систему мониторинга товарных потоков. Создание ВТС означало бы создание более 20 млн новых рабочих мест, ускорение втрое перевозок транзитных грузов по линии Европа — Азия, более 30 млрд долл. дополнительной прибыли только за счет роста потока транзитных грузов. Но главное — такой комплекс мог бы вдохнуть жизнь в гигантские российские просторы, которые пока еще есть возможность освоить...

Один из любимых героев русских былин — Илья Муромец. Помнится, лежал он на печи тридцать лет и три года, пока не поднесли ему живой воды калики перехожие. И тогда началась новая глава, в которой было немало славных страниц. Может быть, это время уже пришло?

Рисунки

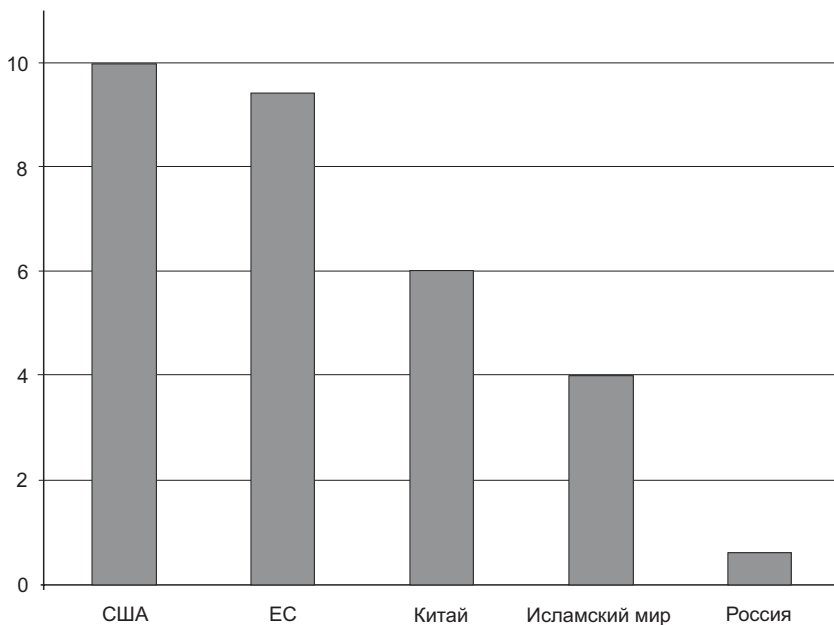

Рис. 1. Валовой внутренний продукт различных цивилизаций, трлн долл.

Эта величина достаточно наглядно характеризует экономический потенциал цивилизации.

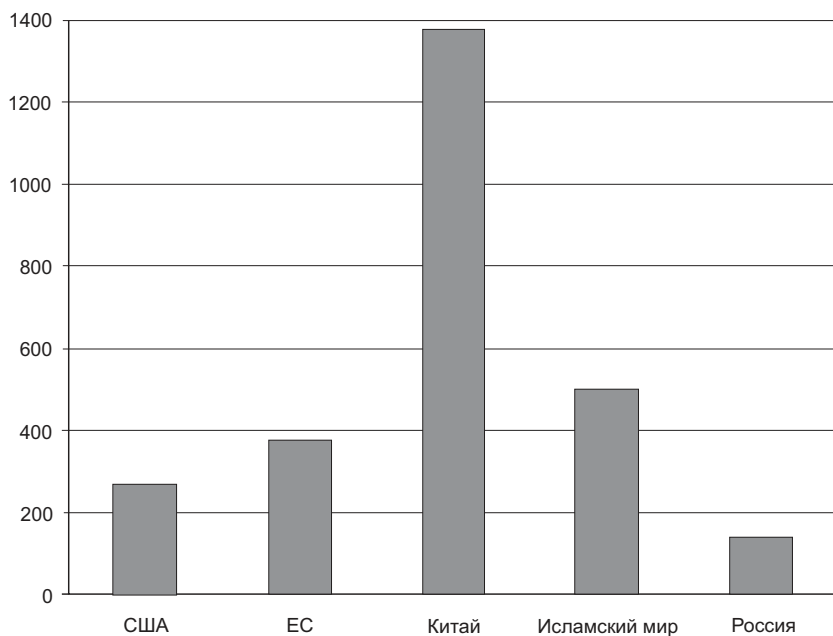

Рис. 2. Численность населения различных цивилизаций, млн чел.

Демографическая слабость России будет серьезной проблемой на протяжении нескольких поколений.

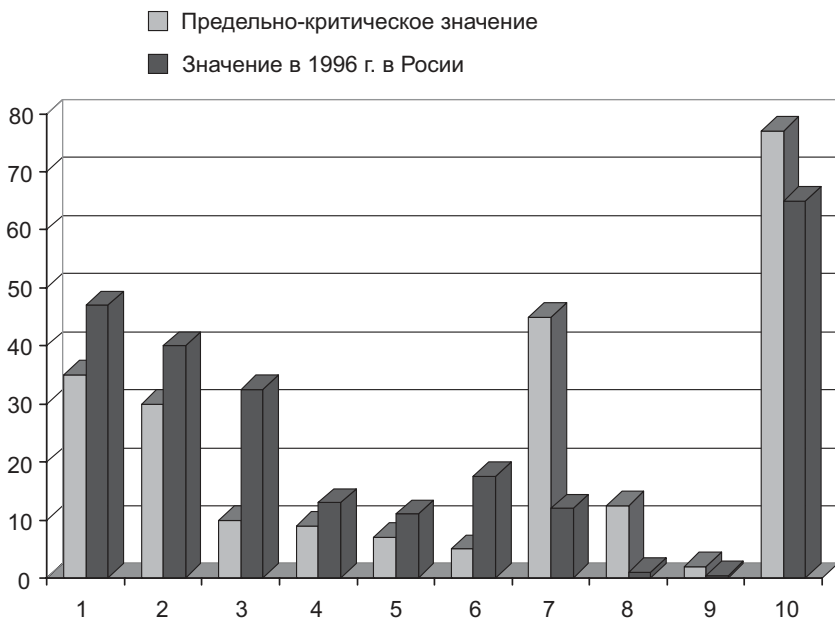

Рис. 3. Соотношение предельно-критических и реальных показателей развития российского общества в 1996 г.

1. Уровень промышленного производства, %
2. Доля импортных продуктов питания, %
3. Доля населения, живущего за чертой бедности, %
4. Уровень безработицы, %
5. Доля лиц старше 65 лет к общей численности населения, %
6. Экологические потери, % к ВВП
7. Доля в экспорте продукции обрабатывающей промышленности, %
8. Доля в экспорте высокотехнологичной продукции, %
9. Доля в ВВП государственных ассигнований на науку, %
10. Средняя продолжительность жизни населения в 1996 г., лет.

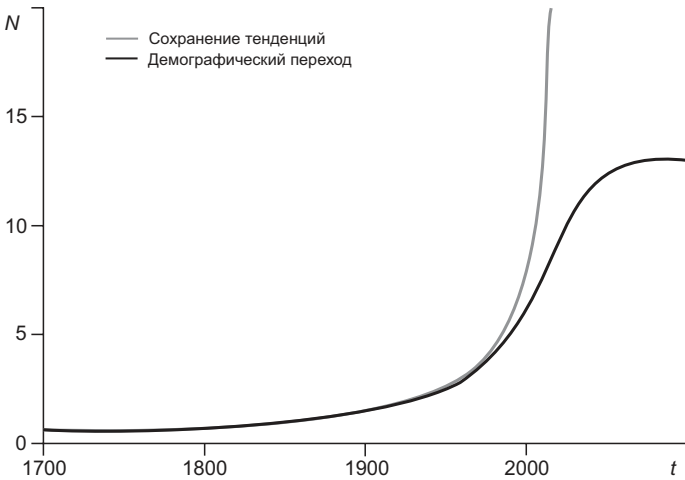

Рис. 4. Смена закона роста народонаселения.
 Численность населения приведена в миллиардах человек, время — в годах

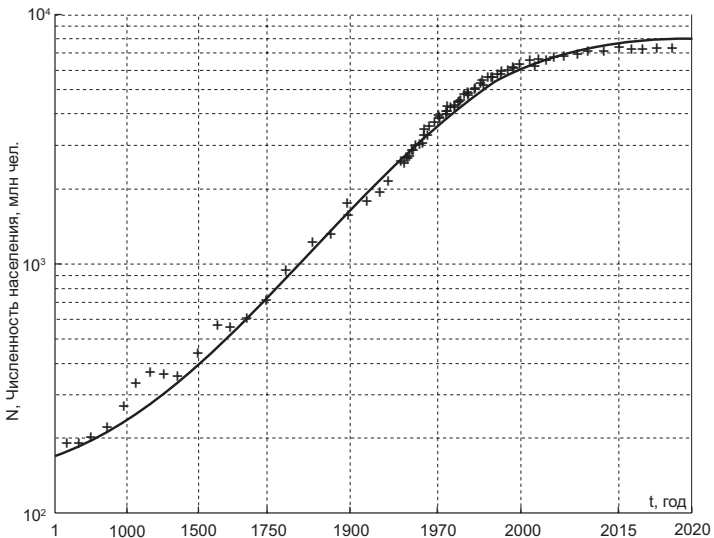

Рис. 5. Рост населения Земли в логарифмическом масштабе

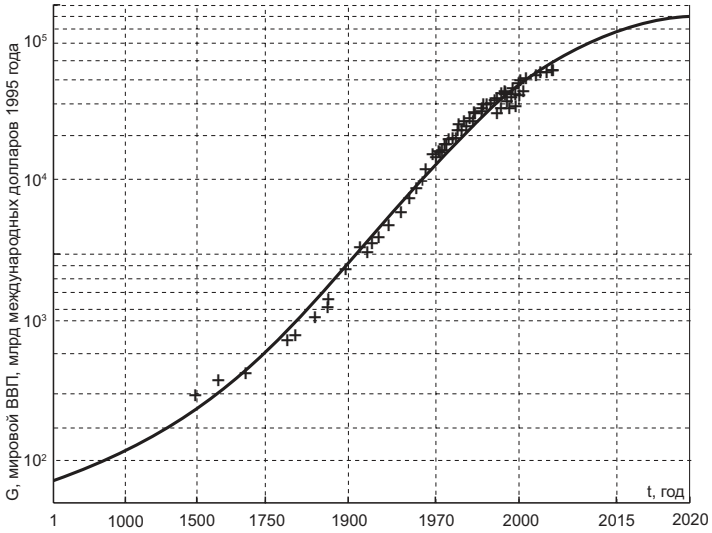

Рис. 6. Рост мирового ВВП в логарифмическом масштабе

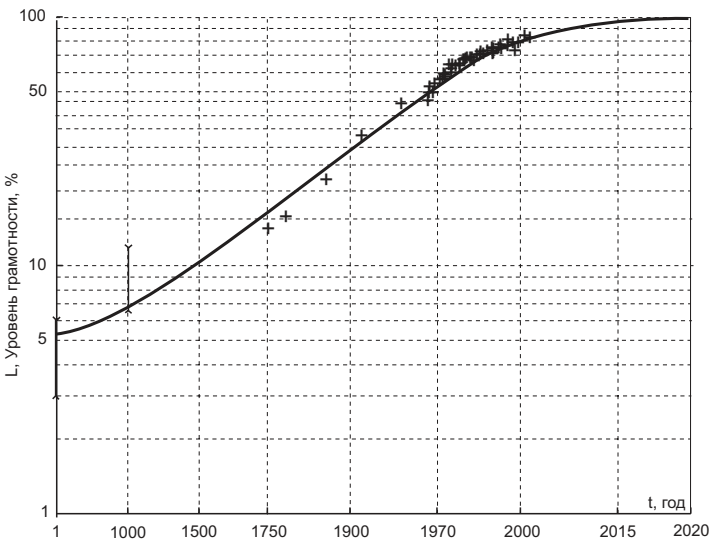

Рис. 7. Рост уровня грамотности в логарифмическом масштабе

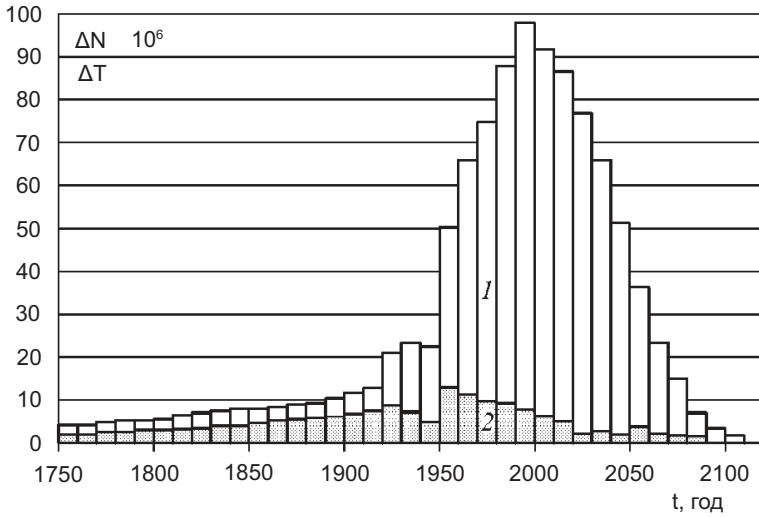

Рис. 8. Глобальный демографический переход
1 — развитые страны, 2 — развивающиеся страны

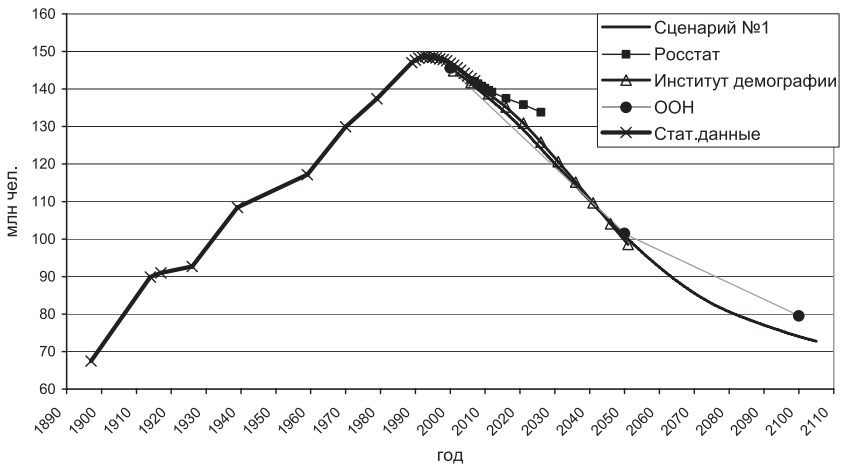

Рис. 9. Прогноз общей численности населения России

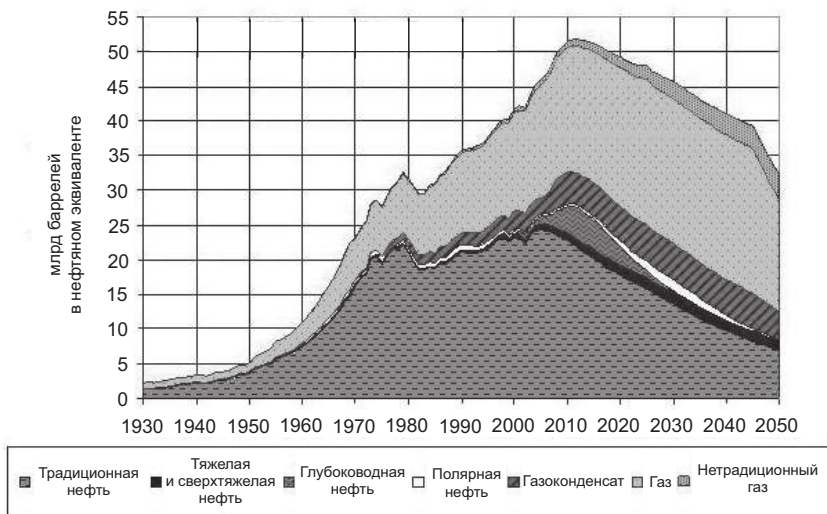

Рис. 10. Прогноз добычи нефти и газа по совокупности кривых Хабберта для разных стран-производителей

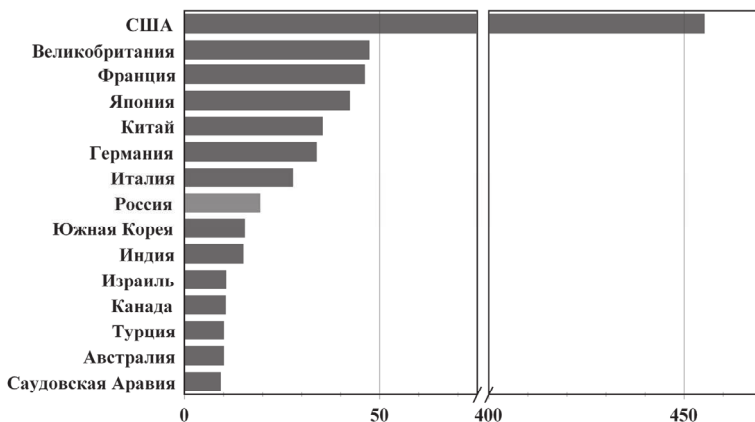

Рис. 11. Военные бюджеты стран мира, млрд долл.

США в настоящее время тратит на оборону больше всех остальных стран вместе взятых.

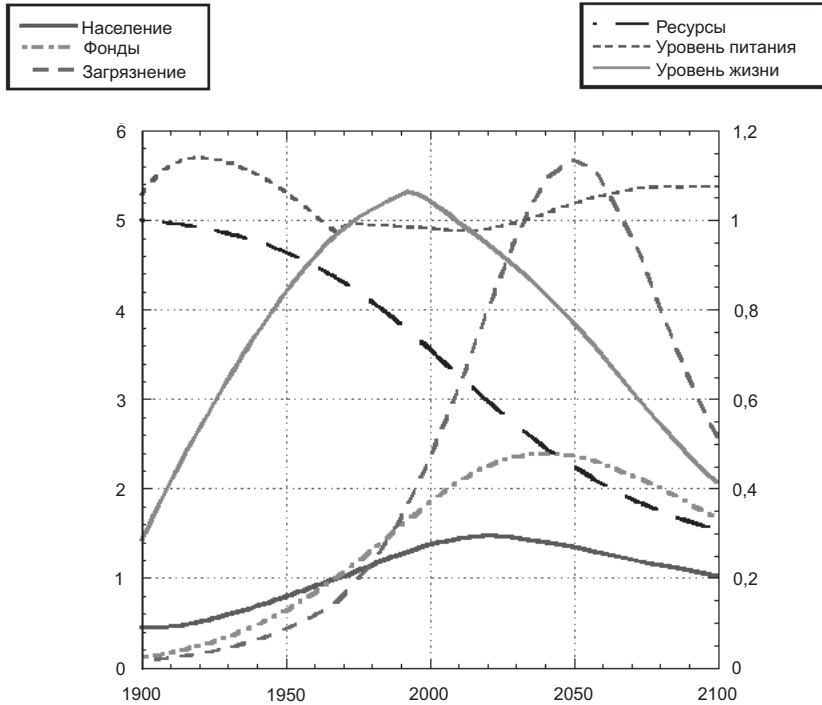

Рис. 12. Модель мировой динамики

Прогноз — коллапс и надлом в экономике к 2050 г.

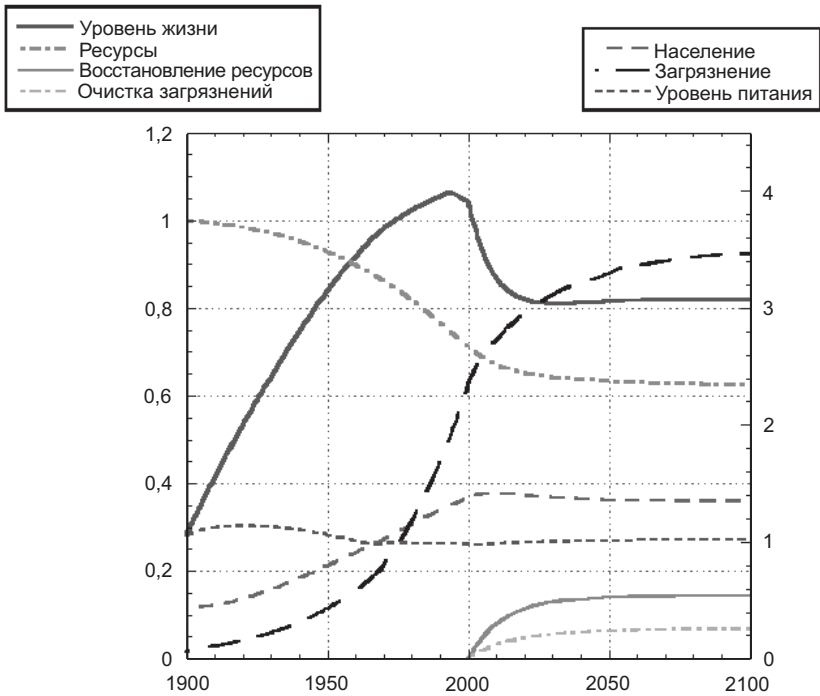

Рис. 13. Сценарий устойчивого развития

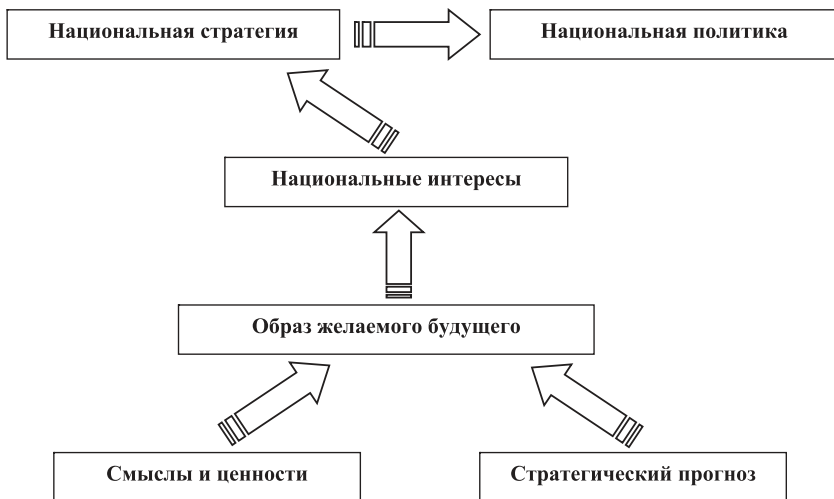

Рис. 14. Взаимосвязь политики, стратегии и видения будущего

Наличие каждого блока этой схемы и взаимосвязей между ними, живущих в общественном сознании, в представлении элиты и государственного аппарата, — необходимое условие развития.

Рис. 15. Сценарий распада России без внешнего вмешательства

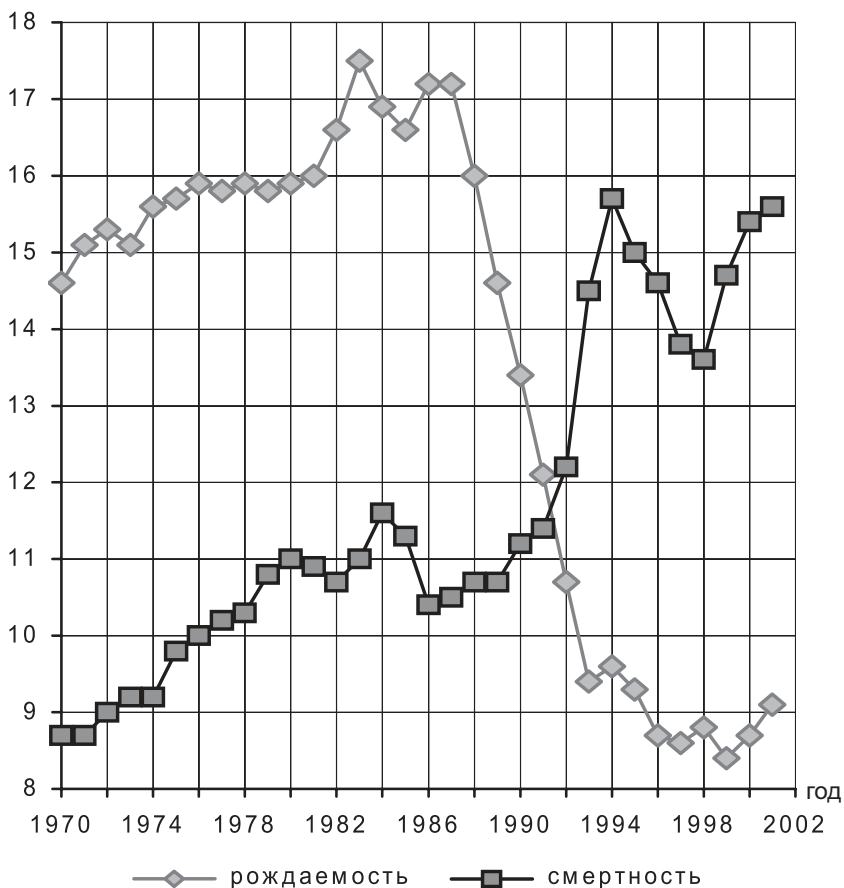

Рис. 16. Рождаемость и смертность в РСФСР и РФ на 1 тыс. населения

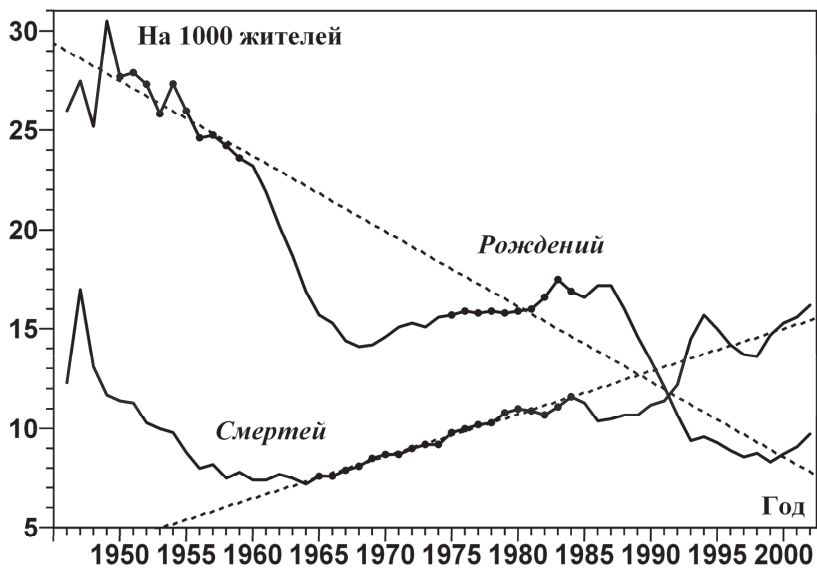

Рис. 17. Рождаемость и смертность в России

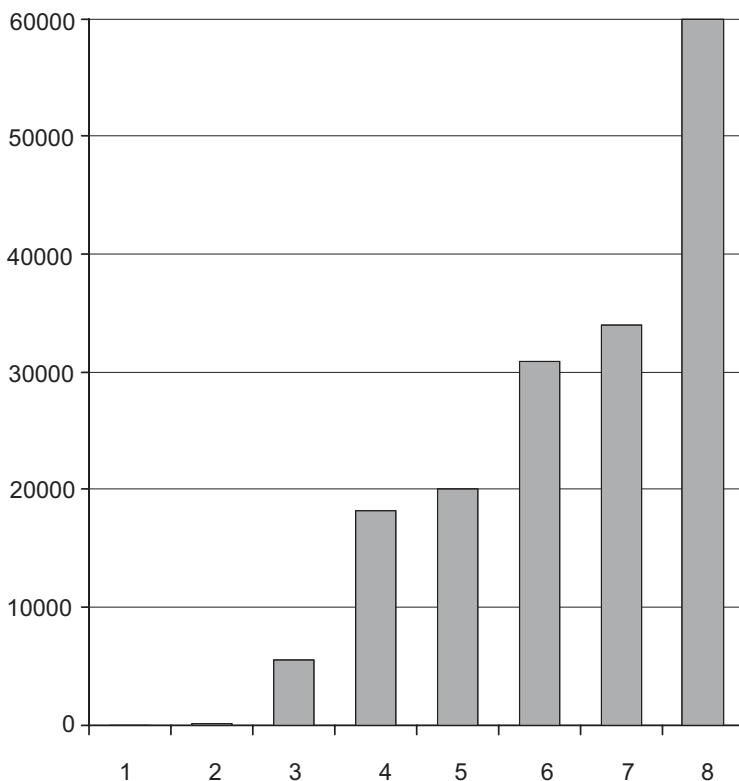

Рис. 18. Число погибших по неестественным причинам в РФ в 2005 г.

- 1 — В результате природных катастроф погибло 38 человек (МЧС РФ)
- 2 — В результате терактов погибло 70 человек (МЧС РФ)
- 3 — В результате техногенных катастроф погибло 5528 человек (МЧС РФ)
- 4 — На пожарах погибло 18194 человек (МЧС РФ)
- 5 — Пропали без вести около 20000 человек (www.rf-agency.ru)
- 6 — Зарегистрировано 30849 убийств и покушений на убийство (МВД РФ)
- 7 — В ДТП погибло 33957 человек (МЧС РФ)
- 8 — Покончили жизнь самоубийством около 60000 человек (www.rf-agency.ru)

В рамках линейной регрессии 84% дисперсии ожидаемой продолжительности жизни мужчин и 70% дисперсии разрыва в продолжительности жизни полов объясняется изменением потребления спирта в виде крепких напитков. При этом каждый литр спирта, ежегодно принимаемый в такой форме жителем Европы старше 15 лет, сокращает жизнь европейского мужчины на $1,3 \pm 0,1$ года и увеличивает разрыв между полами на $0,6 \pm 0,1$ года. Нулевому потреблению крепких напитков соответствуют продолжительность жизни мужчин, равная $78,1 \pm 0,6$ года, и разрыв в $4,1 \pm 0,4$ года.

Рис. 19. Алкоголизация и продолжительность жизни европейцев в 1995–2000 гг.

Рис. 19 (продолжение). Алкоголизация и продолжительность жизни европейцев в 1995–2000 гг.

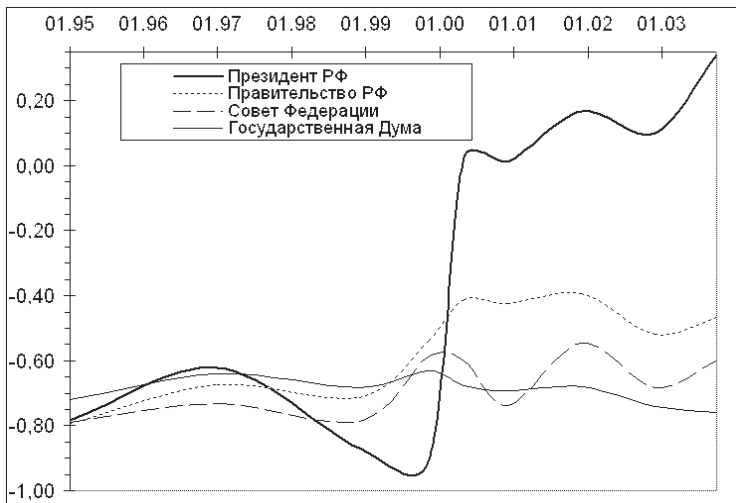

Рис. 20. Динамика отношения населения к политическим и общественным институтам

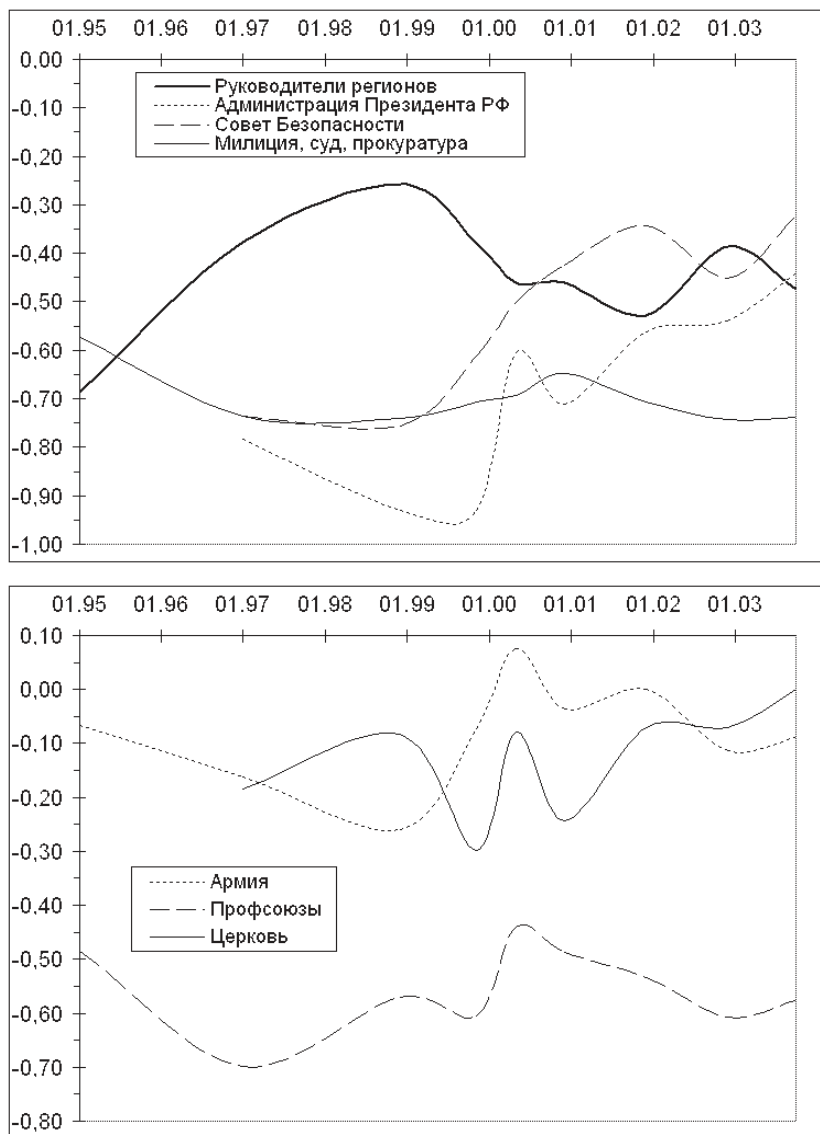

Рис. 20 (продолжение). Динамика отношения населения к политическим и общественным институтам

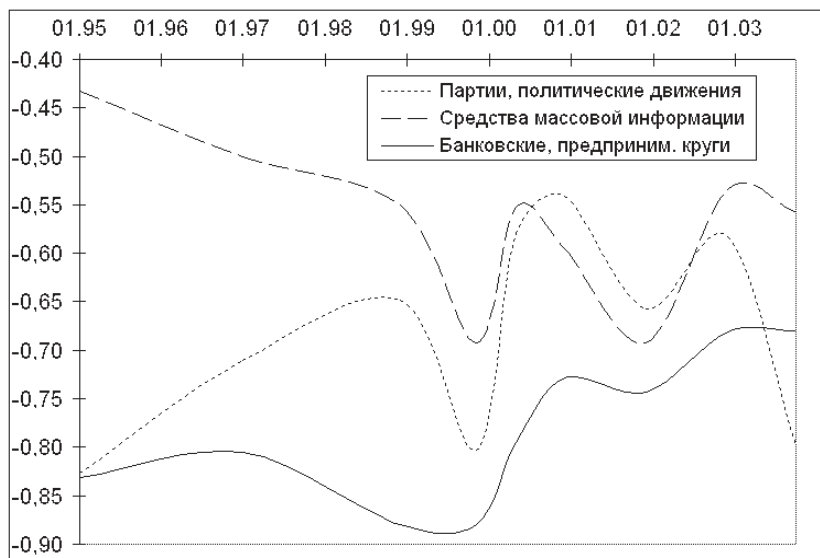

Рис. 20 (продолжение). Динамика отношения населения к политическим и общественным институтам

Индекс отношения определялся как разность между числом опрошенных, доверяющих и не доверяющих рассматриваемому институту, деленная на их сумму. Значения индекса, равные ± 1 , соответствуют полному доверию/недоверию.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.
2. Национальная идея России. Программа действий (постановка задачи) / Под ред. С.С. Сулакшина. — М.: Научный эксперт. 2009.
3. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год. // <<http://www.premier.gov.ru/anticrisis>>.

4. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга 1. — М.: Мысль, 1995с.

5. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга 2. — М.: Мысль, 1995.

6. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга 3. — М.: Мысль, 1995.

7. *Лем С.* Сумма технологии / Собр. соч. Т. 13 (дополнительный). — М.: Текст, 1996.

8. Будущее России. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона / Будущая Россия / Под ред. Г.Г. Малинецкого — М.: ЛКИ, 2008.

9. *Арманд А.Д., Люри Д.И., Жерихин В.В. и др.* Анатомия кризисов. — М.: Наука, 2000.

10. *Котов Ю.Б.* Новые математические подходы к задачам медицинской диагностики / Синергетика: от прошлого к будущему. — М.: Эдиториал УРСС, 2004.

11. Синергетика: Будущее мира и России / Синергетика: от прошлого к будущему / Под ред. Г.Г. Малинецкого. — М.: ЛКИ, 2008.

12. Будущее России в зеркале синергетики / Синергетика: от прошлого к будущему / Ред. Г.Г. Малинецкий. — М.: КомКнига, 2006.

13. *Валлерстайн И.* После либерализма / Пер. с англ. — М.: Эдиториал УРСС, 2003.

14. *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего / 3-е изд. — М.: Эдиториал УРСС, 2003.

15. *Моисеев Н.Н.* Математика ставит эксперимент. — М.: Наука, 1979.

16. Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие / Информатика: неограниченные возможности и возможные ограничения / Ред. Г.Г. Малинецкий, С.П. Курдюмов. — М.: Наука, 2002.

17. *Малков А.С., Коротаев А.В., Халтурина Д.А.* Математическая модель роста населения Земли, экономики, технологии и образования / Новое в синергетике: Новая реальность, новые проблемы, новое поколение. — М.: Наука, 2007.

18. *Ласло Э.* Макросдвиг: К устойчивости мира курсом перемен / Устройство мира / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. — М.: Тайдекс Ко, 2004.

19. Проблемы математической истории: Историческая реконструкция, прогнозирование, методология / Отв. ред. А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

20. *Форрестер Дж.* Мировая динамика. — М.: Наука, 1978.

21. *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи / Комплект из 7 книг. — М.: Терра, 2008.

22. *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. — М.: Форум, 2000.

23. *Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л., Малинецкий Г.Г. и др.* Управление риском. Риск, устойчивое развитие, синергетика. — М.: Наука, 2000.

24. Наука России. От настоящего к будущему / Будущая Россия / Ред. В.С. Арутюнов, Г.В. Лисичкин, Г.Г. Малинецкий. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

25. Россия и Запад: что разделяет? / Материалы научного семинара / Выпуск № 7 (16). — М.: Научный эксперт, 2009.

26. *Чернавский Д.С.* Синергетика и информация: Динамическая теория информации / Синергетика: от прошлого к будущему / Предисл. и послесл. Г.Г. Малинецкого / Изд. 3-е, доп. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

27. *Якунин В.И.* Развитие транспортной системы и геоэкономические интересы России // Экономические стратегии. 2009, № 1.

Реплика (А.И. Неклесса):

У меня есть принципиальное замечание к докладу. Мы планировали тему как рассмотрение диагноза и прогноза ситуации. Однако прогноза я, простите, в докладе ясно не услышал. Услышал предупреждения об угрозах и пожелания по мерам противодействия им. Мы все хотим, чтобы было хорошо и не было плохо. Но в данном случае, хотели бы услышать, как все-таки будет вероятнее всего.

Это, надо сказать, практически стандартная ситуация. Присутствуя на разного рода обсуждениях, сталкиваешься, к сожалению, примерно с одним и тем же сюжетом: делается с той или иной мерой полноты и ангажированности актуальный анализ достаточно тяжелого положения, которое существует в России, а вот вместо прогноза я, как правило, слышу «*желаемые* пути выхода из этой ситуации», а не прогноз событий. У Вас, Георгий Геннадиевич, были моменты, связанные с прогнозом — в частности, карта будущего России, возможная и вероятная; но все-таки основная, львиная доля и выступления, и текста была посвящена все-таки рекомендациям. Прошу понять меня правильно: я не против рекомендаций, но что слышал — то слышал. Прогноза — тем более, комплексного прогноза развития событий и, соответственно, описания будущего России в новом веке — я не услышал. Должен сказать, что во всех остальных отношениях доклад весьма сильный, очень интересный. И очень хорошо подготовлен.

Реплика (В.М. Межуев):

Какой может быть прогноз без рецепта лечения? Это тоталитарный исход — и все.

А.И. Неклесса:

Прогноз наиболее вероятного развития событий... Это, простите, стандартная процедура. В том числе и в упомянутой только что медицинской практике.

Социальный диагноз и прогноз предполагают квалифицированное описание ситуации, в которой находится объект, примерные стадии предстоящего пути (с определенной их вариабельностью и последовательностью). И, наконец, наиболее вероятный результат. Кстати, так поступают не только врачи, но и военные, чья деятельность, в свою очередь, сближается со стратегическим планированием бизнесменов и политиков.

В результате, не была обстоятельно озвучена даже упомянутая карта, предполагающая, скажем, тему формата построссийской государственности. Как в свое время отсутствовало внутри страны внятное обсуждение темы: какие формы примет постсоветское государство? Или какие формы правления, управления будут доминировать в тех или иных регионах российской территории?

Докладчик говорил об угрозах, но прогноз — это не констатация угроз; вернее, не только их констатация, а описание процесса и его результата. В данном случае, уж коли подошли к столу «с этого угла», а не скажем экономического или демографического: как будет развиваться процесс распада России? Или он будет остановлен? Но тогда, за счет каких факторов? Такие факторы в докладе прозвучали, но в виде пожеланий весьма серьезного свойства; тогда требовалось бы ответить на вопрос о шансах на подобный поворот в том или ином случае. И, опять-таки, выходим на прогноз как описание наиболее вероятного исхода из существующего положения вещей (актуального состояния). Я произношу этот упрек докладчику, но в силу значительности проделанной работы и обилия собранного и отрефлексированного материала. Это — редкий случай — дает возможность выйти на позиции реального прогноза, а не пожелания типа «*Но я все же верю...*».

Г.Г. Малинецкий:

Я бы хотел быть ясно понятым, буду очень кратким. Если действовать так, как мы действуем, то нас как России, как страны и как цивилизации не станет очень скоро. Более того,

сейчас одна из важных болевых точек — это то, что мы можем остаться без ядерного оружия. В частности, план Барака Обамы — сокращение до 1000 боеголовок — это абсолютно неприемлемый план. В некотором смысле — это осилочек. Готово ли руководство России сдать все, как сдал в свое время Горбачев, или способно еще немножко поторговаться? Помните как Рейган после встречи на Мальте хлопал в ладоши и говорил: «Ему уже не уйти, ему уже не повернуть!». Здесь есть ряд решений, которые, если будут приняты, то нам уже не повернуть, это ведет к распаду. То, что касается оптимистичных вещей, то мне вспоминается медаль «Небывалое бывает», это стратегия чуда и сверхусилия, по крайней мере, нескольких поколений. Для этого, естественно, нужна перспектива, нужно говорить правду о происходящем в стране, нужна идеология.

А.И. Неклесса:

Вы повторили именно то, что я попытался в более или менее мягкой форме показать как некоторый изъяс подобного «прогнозирования». Вы опять высказали пожелание, что необходимо делать, чтобы «не было большой беды». Выступаем ли мы как медики, как социологи или как люди, работающие с техническими системами? Или как работники Генштаба, рассматривающие развитие и исход развернувшейся операции. Когда мы видим состояние некоторого объекта, нам помимо диагноза и анамнеза (как объект дошел до жизни такой) все-таки следует составить прогноз: т. е. увидеть наиболее вероятное состояние объекта через определенный лаг времени — в этом была вторая половина поставленной исследовательской задачи.

Г.Г. Малинецкий:

Я против того, чтобы рассматривать все в качестве патологоанатома.

А.И. Неклесса:

Я высказал свое мнение, поскольку счел это своей обязанностью как руководителя семинара.

Выступление оппонента-рецензента

Недостаток политической ответственности

Б.В. Межуев,
кандидат философских наук

Мне, конечно, очень сложно выступать после такой яркой презентации. И я не могу претендовать на серьезный содоклад. Сразу обозначаю формат своего выступления: в процессе даже не столько чтения, сколько прослушивания доклада Геннадия Георгиевича, у меня возникло желание выступить «адвокатом дьявола». Под «дьяволом» я в данном случае понимаю тех людей, с политической позицией которых я абсолютно не согласен, а административная деятельность которых у меня вызывает исключительно негативные оценки. Однако их доводы, их позиция, мне кажется, нисколько не пострамлены очень симпатичным мне пафосом докладчика.

Я имею в виду наших самых отъявленных экономических либералов. Не далее как недели четыре назад в качестве сотрудника «Русского журнала» мне пришлось пообщаться с Егором Гайдаром, упомянутым в докладе и представленным в нем основным виновником всех наших несчастьев. Гайдар говорил, что ни в коем случае нельзя отменять НДС, поскольку в результате такой отмены государство лишится важнейшего источника пополнения бюджета. Между тем, Гайдар одобительно отозвался о нашем министре финансов, который, как он считает, очень правильно делает, что вкладывает деньги туда, куда он их вкладывает. И эта позиция Гайдара тоже хорошо известна. И столь же известны его сожаления по поводу того, что мы сидим на сырьевой игле.

При встрече я задал бывшему премьеру с вопрос: «А каким образом государству развиваться в этой ситуации, если все деньги держать в американских ценных бумагах, не давая ни поблажек частному бизнесу в виде отмены НДС, ни прибегая к масштабным государственным инвестициям?». Гайдар на это сказал следующее: «Для того чтобы развиваться, нужно другое государство». Государство, в котором нет коррупции, зато есть честные и независимые суды, свободная пресса и т. д. У меня возник вопрос о степени политической ответственности человека, сотрудничающего с властью и при этом считающего эту власть помехой развитию. Но сейчас мне хочется этот вопрос о качестве государства переадресовать докладчику.

Когда я ознакомился с докладом, я обнаружил в нем несколько противоречий. Одно просто бросается в глаза. Все те меры и преобразования, на которых настаивает уважаемый докладчик, требуют огромного участия государства. Усилиями частного бизнеса или исключительно либеральными преобразованиями страну от всех ее болезней не вылечишь. При этом государство описывается как крайне деструктивное — откаты (до 120%), коррупция, тотальное воровство и т. п. Возникает совершенно очевидный вопрос: как при таком государстве, при таком уровне коррумпированности, при таком уровне лжи, которая проела всю государственную инфраструктуру, можно надеяться на то, что государственная активность принесет какие-то позитивные плоды? При этом те реальные усилия, которые предпринимались самим государством, в том числе при создании семи госкорпораций, они и так уже воспринимаются в обществе, и в том числе самим уважаемым докладчиком, едва ли не исключительно как средство перераспределения бюджетных средств.

Соответственно, возникает проблема, которую невозможно обойти,— это проблема политическая. Это вопрос не о политических симпатиях и антипатиях, а о том, как, исходя из нынешней политической системы, — а она есть такова, ка-

кова она есть, другой не будет, — которая возникла не случайно, которая не отомрет просто так, найти какие-то механизмы, способствующие увеличению степени, условно говоря, политической ответственности. Если говорить о бедствиях России, то главное бедствие заключается в том, что мы живем при политической системе, в которой никакая сила ни за какую политику не несет никакой ответственности. У нас в одном политическом поле существует Партия, в другом поле существует Правительство, от этой Партии не зависящее, а в третьем поле существует Президент, не оказывающий реального влияния ни на Партию, ни на Правительство, но имеющий вокруг себя соперничающие группы советников.

Не ставя этого вопроса, не рассматривая проблему, условно говоря, как в этой конкретной системе нащупать какие-то механизмы, которые позволят хоть каким-то политическим деятелям, и даже госкорпорациям, которые являются в какой-то степени зависимыми от правительственных решений, обнаружить хотя бы зачаток политической ответственности, — невозможно приступить к обсуждению ни одного значимого государственно-мобилизационного проекта. Обсуждению таких вопросов следует предпослать рассмотрение проблемы качества Российского государства.

Второй момент, уже более содержательный. У меня возник определенный когнитивный резонанс. С одной стороны, докладчик говорил о том, что все тренды, которые он описал, все сугубо негативные, все тенденции сугубо отрицательные, весь научный аппарат работает на какие-то отрицательные выводы о будущем страны. При этом одновременно говорится о необходимости управления через будущее и поиске желаемого образа будущего. Полное ощущение, что если наука и может предложить какой-то образ будущего, то это либо образ смерти, либо агонии. В докладе говорится о том, что Россия в ближайшее время перестанет быть русской, о том, что существует постоянная угроза территориального распада и т. д. Если мы посмотрим на подобную литературу на За-

паде, то она столь же алармистская, как и у нас. Желаемый образ будущего пропал не только у нас в связи с поражением коммунизма, но также пропал и на Западе. Существует точка зрения, что в ближайшее время произойдет резкое снижение спроса на высокоинтеллектуальные проекты и наукоемкое производство именно в связи с экономическим кризисом. Что увеличится? Увеличится стоимость и цена на энергоносители и цена на сельское хозяйство, поскольку это именно те вещи, которые в первую очередь нужны людям. И вот именно эти простые, но, безусловно, необходимые вещи и будут определять будущее мира.

И этот образ будущего явно противоречит тому методу опоры на будущее, на котором настаивает докладчик и который рисовали оптимистические футурологи в течение 60-х и, отчасти, 70-х гг. XX столетия. Господствующий образ будущего — это **торжество примитивной ресурсной основы общества над всей постиндустриальной его настройкой**. И в этой ситуации очень неплохо будут выглядеть США, которые при определенном уровне капиталовложений вполне могут освоить разработку на своей территории сырьевых месторождений, а сельское хозяйство у них и так уже лучшее в мире. Так что не очень ясно, на какое будущее надеется Г.Г. Малинецкий.

В докладе часто говорилось о необходимости национальной идеи, идеологии и т. д. Что такое идеология? Это поле игры между элитой и обществом, между властью и обществом. Посредством идеологии власть пытается получить от общества то, что она хочет, а, с другой стороны, идеология — это нечто, связывающее саму власть и систему некоторых обязательств власти перед обществом. Всякая радикальная смена идеологии — это конец какой-то игры. Собственно, это мы видели в 1991 г., когда элита не захотела играть с обществом ни в какую игру. У меня существует серьезное опасение, что всяческое педалирование идеологического фактора, требование новых идей, новых ценностей и новых идеологий, которые

сейчас в ситуации межвременья явно будут возникать, к сожалению, будут играть ту же самую роль, выполнять ту же самую задачу. Та игра, которая худо-бедно велась между властью и обществом в предшествующие годы, будет отменена, причем не в интересах общества, а в интересах той власти, которая захочет освободиться от обязательств перед этим обществом, от обязательств, связанных с той идеологией, которую сама власть в определенный момент выдумала и с которой связывала собственную легитимность.

Реплика (А.И. Неклесса):

Большое спасибо, Борис Вадимович. Вы как раз заполнили, отчасти, образовавшуюся лакуну с прогнозом, остановившись на этой теме.

Вопрос (А.С. Ципко):

Вопросы мои связаны с каким-то исходным внутренним противоречием в отношении Вашей методологии в той ее части, которая касается гуманитарных ценностей. С одной стороны, и здесь, и в докладе Вы говорите: «прошлое нет, настоящее эфемерно (Августин Блаженный), нас интересует будущее». Вы отмечаете, что мы должны договориться и избегать каких-либо морально-политических оценок. Но доклад состоит из целого ряда морально-политических оценок. Меня, как научного работника, интересует: на чем они основаны?

Второй вопрос, который очень важен для Вашего прогноза и, вообще, для всей оценки. Повторяю, у Вас внутреннее противоречие: с одной стороны Вы хотите уйти от истории, а вся методология строится на исторических оценках. Тут очень важен вопрос по поводу причин нынешнего кризиса. Вы говорите, что ситуация гораздо серьезнее, надлом произошел раньше, во времена хрущевской оттепели. Именно в это время и произошло предъявление высоких смыслов и ценностей, державших советское общество. У меня вопрос: на чем основан этот Ваш тезис? Это очень важно и для оценки современной ситуации, и для лечения, и вообще для понимания современной ситуации. Ваше убеждение, что, допустим, до 1953 г. все общество держалось на высоких идеалах и ценностях, в том числе 70% крестьянского населения, которые, как Вы знаете, были реально крепостными, и т. д.

Итак, главное: на чем основано убеждение, что мы имели ситуацию, где действительно духовное выше, потому что Ваш конечный выход, Ваше пожелание императива вытекает отсюда. И Вы определяете наше будущее как возрождение того, что было. На чем это основано?

Ответ (Г.Г. Малинецкий):

Ситуация очень простая. Масса вещей, о которых уже говорил С.Г. Кара-Мурза относительно советской цивилизации; многое из того, о чем говорил А.И. Фурсов на нашем семинаре, — я не повторял. Это есть в книжках участников семинара, и я позволил себе это опустить. Что касается моих убеждений и всего прочего. Еще раз отмечу, что все сказанное — вопрос исключительно технологический.

Например, в отношении 1953 г. Есть временной ряд. Мы смотрим на него и видим, как у нас росла рождаемость, развивались промышленность, наука. Естественно, каждый отдельный сектор анализируется отдельно. Речь идет совершенно не об убеждениях. В Вашем вопросе я услышал очень простую вещь. Ее я слышу регулярно, во многих местах — например, в Высшей школе экономики: а можно ли вообще делать прогнозы, строить модели каких-то социально-политических процессов? Можно! Хватит общих разговоров! Пора считать! Весь мир это уже делает!

Если бы можно было не строить модели, если бы можно было находиться на техническом уровне решения стратегических проблем — на уровне ядерного оружия, космических систем и надежных шифров — естественно, мы никогда моделированием социально-экономических и социально-психологических процессов не занимались бы.

Но сейчас ситуация следующая: каждая развитая страна мира имеет национальную систему моделей, национальную систему мониторинга, национальное хранилище данных, мозговые центры, которые ежедневно профессионально занимаются такими вопросами. Типичный пример — американская корпорация RAND. Это 5 тыс. человек, работающих на правительство и проектирующих будущее.

Чем же занимается наша Академия и, простите, наша гуманитарная элита? Они занимаются именно философствованием: «А где же национальная идея? Где же эти поморы? Где же ваши политические убеждения?». Я еще раз хочу сказать,

что о политических убеждениях можно спорить отдельно. Все представленное здесь (поскольку у меня было ограниченное время) опирается на те же временные ряды, о которых говорил С.С. Сулакшин, и на объективные данные. Никогда, ни одна страна не имела такого роста продолжительности жизни, как послевоенный сталинский СССР. Таковы факты.

Аналогичная ситуация с наукой. Ни одна страна не имела такой математической школы, в такие сроки созданной, как Советский Союз. Возьмем совсем простые вещи. Не далее как месяц назад я беседовал с чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым. Вы понимаете, что у этого человека яркая анти-советская ориентация. Когда он спросил: «Почему же за мной люди-то не идут?», я ответил ему: «А сделайте что-нибудь простое, возродите, например, в России шахматы, нашу национальную шахматную школу». Он развел руками: «Это под силу только сверхдержаве». Поэтому мы берем временные ряды. После их анализа масса всего становится понятным.

Реплика (В.М. Межуев):

Получается, не будущее лучше прошлого, а прошлое лучше...

Г.Г. Малинецкий:

Дело не в оценочных суждениях о том, что лучше, а что хуже. Вот вы хотите поступить, как с Александрийской библиотекой. Те, кто ее сожгли, говорили о книгах так: «Если в них написано то, что было раньше, то они не нужны! Если иное, то они неверны и, тем более, не нужны». Естественно, на прошлое можно опираться, когда мы строим математические модели социальных, экономических и всяких иных процессов. Мы живем не с чистого листа. Поэтому, когда выстраиваются модели, естественно, анализируются процессы в прошлом — социальные, экономические, духовные. В частности, в прошлом году мы провели конференцию по математической истории, где ученые докладывали, как они моделировали экономиче-

ские, социальные процессы, исходя из событий прошлого, и пытались с помощью этих моделей заглянуть в будущее и действовать не с помощью «вернуться в прошлое», «придумать национальную идею»... Мы, к сожалению, не можем вернуться в прошлое — вот в чем дело. Нельзя дважды войти в одну воду, люди уже не те. Но модели строятся и исследуются.

Вопрос (Г.Э. Афанасьев):

Есть ли в Ваших моделях указания на процессы, которые связывают Россию с остальным миром? По крайней мере, все приведенные карты — это карты России. Анализировалось ли присутствие России в мире и, соответственно, ее функция в мире?

Ответ (Г.Г. Малинецкий):

Конечно. Наша функция в мире очень простая — это функция побежденных и роль дойной коровы. Вы, наверное, знаете, что по нашим российским данным за время демократии и реформ из России был вывезен 1 трлн долл., а вклады нынешней российской элиты в западных банках превышают 500 млрд долл. Конечно, это учитывалось. Естественно, строить макроэкономические модели без учета огромного оттока невозможно.

Г.Э. Афанасьев:

Значит, Вы учитывали, что 40% строительства атомных станций в мире и до сих пор ведется при помощи России?

Ответ (Г.Г. Малинецкий):

По атомным станциям ситуация катастрофическая. Не далее как сегодня мне довелось обсуждать эти вопросы с нашими атомщиками. Китай заявил, что они готовы обходиться без России. Ядерные реакторы третьего поколения сейчас строятся без России. Программу, которую сейчас развивает Агентство по атомной энергии, ведущие технические специалисты называют авантюрой, потому что нет кадров, нет

мощностей, чтобы воплощать амбициозные планы, вводить по два энергоблока в год. В США на ядерную энергетику работают более сотни заводов, у нас — втрое меньше. О чем говорить, если наши самолеты в Грузии не имели компьютеров? Развал таков, что уповать здесь на наши большие ядерные успехи, к сожалению, не приходится.

Вопрос (И.А. Гундаров):

Раз уж Вы пошли по медицинской терминологии... Я врач. У нас, чтобы поставить диагноз, нужно описать симптомы, открыть механизмы и найти источник. Семиология, патогенез и этиология. Я пока диагноза не услышал. Я услышал перечень симптомов: глаз дергается, температура высокая, расстройство стула, коматозное состояние и т. п. А диагноз-то какой? Это мой первый вопрос. И второй вопрос: почему Вы так уверено повторяете то, что банально говорится относительно русского креста — будто это специфическая характеристика только русского народа? Вымирают Литва, Латвия, Эстония, Польша, Венгрия, падает рождаемость в Австрии, Италии...

Ответ (Г.Г. Малинецкий):

Я сказал бы, что у Вас широкая постановка проблемы, для специалистов очень широкого профиля. А узкий профиль у Вас какой?

И.А. Гундаров:

Физиология и кардиология, функциональная диагностика.

Г.Г. Малинецкий:

Ситуация следующая. Мне довелось беседовать с людьми, работающими в реанимации. То, что Вы говорите относительно медицины — это недостижимый идеал. Как правило, врачами являются клиницисты, которые зачастую совершенно не понимают причин той же шизофрении, но прекрасно понимают, что здесь сработают те или иные нейрорептики.

Поэтому в том, что касается медицины, Ваш пример абсолютно некорректен.

Не хотелось бы выходить за рамки доклада. Мне пришлось выступать здесь как клиницисту. Поэтому остановимся на технологии. Если у вас нет тонометра, то вы не измерите давление; если у вас нет энцефалографа, вы не снимете энцефалограмму. Вы ничего не сможете диагностировать.

Мы находимся сейчас без ряда междисциплинарных технологий, без серьезного прогнозирования в России, в ситуации знахарей.

Относительно второго Вашего вопроса, почему опасен русский крест. Я исходил исключительно из оценок Минздрава. Что касается демографической ситуации, которая у нас гораздо хуже, чем в остальном мире, то это отдельная тема.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

Насколько мировой финансовый кризис 2008 г. организован и управляем?

Ответ (Г.Г. Малинецкий):

Смотрим индекс Доу-Джонса, читаем Алана Гринспена и видим, что в 1998 г. вот именно этот курс был взят. Нынешний кризис — это толково, сознательно проведенная операция. Связана она с тем, что в настоящее время США обладают подавляющей военной мощью, и эта страна, естественно, использует свой печатный станок по своему усмотрению.

С.С. Сулакшин:

В докладе четко прозвучало в качестве фактора российской болезни алкоголизация страны. Кроме водки можно ли перечислить другие факторы описанных Вами болезней России?

Г.Г. Малинецкий:

Безусловно, Россию посадили на наркотическую иглу. Вы помните, что после ввода американских войск в Афганистан

мы стали не только крупнейшим транзитером наркотиков, но и крупнейшим их потребителем. Афганистан — это 20 млрд доз в год.

Далее — это тотальная коррупция. Когда приходишь в уважаемое министерство и выясняешь, что откат там 50%, то понимаешь, что это еще по-божески. Сейчас откат бывает и 100, и 120%.

Конечно, главная причина — это бессубъектность. Вот вы выпустили 5 томов, посвященных стратегии России. Блестящая вещь, на основе которой можно продвинуться далеко вперед. Для этого первое лицо должно иметь:

- а) желание это делать;
- б) команду, которая способна это делать;
- в) политическую волю и г) свободу маневра.

С.С. Сулакшин:

И третий, волнующий меня вопрос, касающийся научной методологии. Вы в докладе апеллировали к длинным рядам и длинным прогнозам, в том числе демографическому переходу, зависимости роста численности населения. При этом Вы же привели зависимость численности населения России на временной шкале. Достаточно очевидно, что длинный, плавный, непрерывно восходящий тренд быстро, очень быстро — по сравнению с историческими временами — сменился на прямо противоположный. Эта быстрая смена по своей скорости не вписывается в скорости длинных трендов. Значит, мой вопрос и моя гипотеза: существует суперпозиция двух — длинных, мегаисторических, процессов и коротких, рукотворных, производимых социальной деятельностью в данном случае на территории государства Россия, поскольку на иных государствах тренды такого перелома не испытали.

Ответ (Г.Г. Малинецкий):

В целом я согласился бы с этим утверждением. Но демография, в отличие от экономики, истории и многих других

наук, — это очень точная наука. Поэтому, к сожалению, если с какими-то вещами и можно в докладе спорить, то для демографических прогнозов есть очень хорошие модели. Можно немножко менять миграцию, можно чуть-чуть что-то шевелить, можно, скажем, взять имеющийся мировой опыт и посмотреть, как те или иные меры стимулирования рождаемости что-то изменяли. Кардинально наш прогноз это не изменит. Россия — страна сверхсмертности, и ее демографическая динамика достаточно хорошо прогнозируется. Конечно же, характерные времена демографических процессов значительно больше, чем и социальных, и политических, и военных, и др. В этом смысле демография проще, чем все остальное.

Вопрос (А.Н. Окара):

Кто может быть или кто является креативным классом, т. е. неким новым субъектом, новой элитой, способной стать генератором развития, т. е. генератором процессов, которые препятствуют вымиранию России? И каковы могут быть методы мобилизации этого нового субъекта или нового креативного класса? Какова его легитимность и откуда он возьмется? Или же это самоорганизация — тема, которую Вы очень любите и в которой являетесь одним из самых интересных экспертов? Или же это твердая рука, революция сверху, что у Вас и прозвучало?

Ответ (Г.Г. Малинецкий):

Я хотел бы решительно уйти от политики, на чем и настаиваю. Поэтому скажу следующее: к сожалению, все попытки власти построить новую Россию, построить оппозицию, гражданское общество, средний класс, класс собственников — провалились.

Я не обсуждаю политические вопросы. Вот В.М. Межуев спросил: «Кто же воспользуется этими технологиями?». Именно этот вопрос я оставил бы за рамками доклада. Но

если у нас не будет таких технологий, у России не будет никакого шанса. Когда пришли испанские конкистадоры, у ацтеков и инков не было лошадей, колеса и было много мусора в голове. Не было ряда технологий. Это и решило дело. Их судьба известна.

А.Н. Окара:

У меня вопрос не о политическом измерении, а о социально-философском, т. е. откуда могут появиться те люди, которые станут субъектами развития нашей страны?

Реплика (А.И. Неклесса):

Я все-таки еще раз вмешаюсь в ход семинара на правах руководителя. Мне кажется, что возник некий блок между докладчиком и задаваемыми ему вопросами. И выражается он в том, что категорию «прогноза» докладчик оценивает как «политический вопрос» и на этом основании отменяет его. В вопросах же содержится акцент именно на прогностическом начале как наиболее слабом звене в докладе. Все-таки интересно знать, как **будет** развиваться процесс, а не как **хотелось бы** чтобы он развивался. И хотя последнее так же интересно, все же основной интерес — реально прогнозируемая — желательно, пошаговая, с описанием субъектов и объектов действия — динамика событий.

Иначе это все-таки не прогноз, а именно политический манифест при всем заявленном отказе обсуждать политические вопросы. Разница в том, что политический манифест **декларирует, что надо делать**, прогноз же **регистрает вероятное развитие событий, подтверждая выдвинутые в ходе анализа тезисы и фигуры**, которые, по мнению аналитика, сыграют ту или иную роль. Обязательно надо обосновать появление того или иного фактора, быть то хоть креативный класс, хоть методы мобилизации. Или констатировать невозможность их появления. Либо слабую роль.

Г.Г. Малинецкий:

Не как, а кто!!! Это как раз тот политический вопрос, от которого мы, собственно, и хотели уйти с самого начала. Именно так и был обозначен жанр.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Первая составляющая моего вопроса касается уточнения теоретической позиции. В качестве рецептуры прозвучало, как рекомендация, — это устойчивое развитие, выход на фиксируемые показатели. Но выход на фиксируемые показатели означает сохранение тех диспаритетов, которые существуют в мире. Это означает то же положение, которое занимают США и европейские государства, при низком положении в мировой иерархии — государств, определяемых как периферийные государства. Это ли заложено в предлагаемый Вами концепт? Или это требует какой-то расшифровки?

Ответ (Г.Г. Малинецкий):

Ни слова о том, что США должны сохранить эту лидирующую позицию, ни слова о неравенстве государств сказано не было. Более того, сама концепция устойчивого развития означает совсем другое: следующие поколения должны иметь стартовые условия, сравнимые с теми, которые имеют живущие сейчас поколения. Это означает, что нефтегазовая пауза кончается, и мы, к сожалению, будем вынуждены перейти на возобновляемые источники энергии. Более того, у нас возникнет необходимость отказаться от массы технологий. Поэтому, естественно, там, где дело касается устойчивого развития, ни о какой роли США, России, периферии речь совершенно не шла. Это вопрос отдельного обсуждения.

В.Э. Багдасарян:

Вы приводили критические пороги: почему-то 1996 г., там у Вас было названо 27 параметров. Но прошло 13 лет, вроде

мы перешли эти критические пороги, но эти 13 лет российская государственность существует. Вопрос: откуда взяты эти критические пороги? И как-то резануло, что на хрущевские годы пришелся демографический надлом. Хотя по всем официальным статистическим данным самые высокие показатели за демографическую историю СССР приходятся именно на хрущевские годы. Какие данные были положены в основу?

Ответ (Г.Г. Малинецкий):

Картинка, о которой Вы говорите, была получена по данным ООН. Критические пороги — это достижение Института социально-политических исследований РАН. Это одно из их главных достижений. Почему 1996 г.? Тоже понятно. Они выпускали чудесные книги — «Россия на переломе», «Россия в эпоху реформ». Они их, естественно, рассылали в Администрацию Президента. Им позвонили и сказали: «Не надо больше критических порогов. От них портится настроение. Руководству тяжело на них смотреть». Чтобы руководству было полегче, они после 1996 г. их и не слали, да и соответствующие оценки, видимо, не делали.

Вопрос (С.Г. Кара-Мурза):

Вы использовали понятие «Россия» как обозначение какой-то мистической сущности. Но этой сущности нет. Россия пережила системный кризис и потеряла системные свойства почти во всех своих системах. Эта сущность у Вас стирает почти все изложение. Само явление России становится непонятным. Зачем Вы в таком мистифицированном виде представили главный Ваш объект — Россию?

Ответ (Г.Г. Малинецкий):

Что касается представленных картинок. Действительно, мы взяли предположение Д.А. Медведева о том, что Россия существует и имеет будущее, и проанализировали его. Естественно, рассматриваются нынешние границы РФ и то, что

в них находится, российское гражданство, российская экономика и т. д. Что касается вещей, о которых Вы говорите, — духовных, нравственных — это отдельные проблемы, заслуживающие анализа.

С.Г. Кара-Мурза:

Я ничего не говорю. Это просто фикция. Сейчас система не имеет свойств — ни хозяйство, ни государство.

Г.Г. Малинецкий:

Конечно. Любое моделирование, тем более, касающееся таких процессов, естественно, исходит из некоторых упрощений и упрощающих предположений. Конечно же, есть детальные и более подробные модели, которые показывают, как меняется национальный состав, как теряется целостность России. Вы совершенно правы: по западным стандартам страна находится в критической ситуации. Когда у них валовый региональный продукт в разных частях страны отличается в 5 раз, то они считают это очень опасным. При этом люди как бы живут в разных странах. У нас он отличается почти в 30 раз. Естественно, для того чтобы рассматривать распад России по тем или иным параметрам, нужны другие модели, о которых здесь речь не шла.

С.Г. Кара-Мурза:

На основании доклада получается, что у нас неминуем летальный исход, причем довольно скорый. Как Вы себе это представляете: что такое летальный исход? Россию вырежут с карты мира? Уничтожат население? Что это такое?

Г.Г. Малинецкий:

Летальный исход — это очень просто. Вы любите писать, что у нас *некоторая* доля суверенитета все же осталась. Все же мы немножко можем у себя в стране порулить. Вот рынок лекарств в своей стране отвоевать мы сейчас не можем, да и

многое другое не можем, а вот что-то другое мы, все-таки, можем. Далее будет следующее. Без серьезных решений, без сверхусилий будет иметь место территориальный распад и, соответственно, поглощение России другими цивилизациями, достаточно очевидное.

Снижение уровня всего — образования, экономики и т. д. Как говорится, «горе побежденным». Сейчас от нас откачивают 2 млрд долл. ежедневно и отмывается 1,5 млрд криминальных денег. А почему собственно 2 млрд? Может быть, еще крошечки пососать? Естественно, будут откачивать больше.

Очень трудно моделировать те вещи, которые никто никогда не видел. Никогда страна с таким уровнем промышленности, с таким ядерным комплексом, с таким потенциалом не ликвидировала саму себя в угоду другим цивилизациям и части своей элиты. Никогда этого не было. 20 лет мы наблюдали разные стадии этого процесса.

И о последней стадии. Что было после Рима Вы представляете? Темные века. Так и здесь — может быть через несколько сотен лет и у нас что-нибудь вырастет. Но навряд ли...

Вопрос (В.И. Якунин):

Вы говорите, что очень сложно моделировать то, что никто не видел, но приводили модели, которые были в свое время ориентированы как раз на будущее. Поскольку Вы математик, Вы проверяли свои модели. Скажите, пожалуйста, Вы проводили моделирование по данным того периода, перед непосредственным нападением Германии на СССР?

Ответ (Г.Г. Малинецкий):

К сожалению, нет. Мы очень подробно моделировали распад Советского Союза. Модели оттачивались, прежде всего, на этом. Конечно, на самом деле идеально было бы, чтобы эти исследования велись всерьез, хотя бы на том уровне, на котором они ведутся в развитых странах, а не были бы результатом усилий небольшой команды самоотверженных энтузиастов.

Модель — это приближение, но жизнь богаче

В.И. Якунин,
доктор политических наук

Во-первых, я испытал колоссальное удовольствие от того, как структурирован доклад, от его содержательности и презентации. Хочу поблагодарить докладчика за то ощущение, которое он рождает с точки зрения презентационности материала. Я не говорю сейчас о содержании, потому что оно едва ли может доставить удовольствие.

Вопрос, который я хотел задать, таков: если все это знать, то зачем жить? Это личный вопрос. Я сдержался и не задал его, он был бы слишком полемичным.

Когда Вы подчеркиваете, что в своем докладе уходите от политики, то Вы лукавите. Все, что Вы говорите и все, что делаете — это политика в самом чистом виде. Поверьте мне на слово, потому что даже та картина железнодорожного развития, которую Вы нарисовали, была нами использована, чтобы написать первую в современной России стратегию развития железнодорожного транспорта до 2030 г. Это, может быть, первый в отрасли прогноз долгосрочного развития. А развитие железнодорожного транспорта — это, безусловно, развитие и экономики, и социума, который сегодня называется российским обществом, а это тоже политика.

Какую проблему я чувствую и какие сомнения испытываю после того, как прослушал доклад? Практически все, за исключением исторической ретроспективы, что описывается математическими моделями, человек, лишенный всякой

математической подготовки, но не лишенный хотя бы сообразительности, наблюдает каждый день — выходя на улицу, заходя в правительственные кабинеты... Он, может быть, на количественном уровне не способен нарисовать эту кривую, но на качественном понять происходящее точно может. Когда моделями описывается то, что каждый видит сегодня и осязает на чувственном уровне, возникает опасность, что модель подгоняется. Не потому что исследователь — нечестный, а потому что таково свойство подкорки.

Нас в свое время учили, что мотивы человека другим человеком непознаваемы. И это правда. Однако специальными методами познание мотивов других людей все же возможно. Поэтому представленные модели, анализирующие прошлое и, возможно, перекидывающие мостик в будущее, я думаю, не абсолютны. Как человек с изначальным инженерным образованием, я тоже склонен абсолютизировать математические методы анализа. Не качественные, как это принято в гуманитарных науках, а именно количественные. Но в этом заключается большая опасность. Сколько существует мотивов, невидимых взаимосвязей, которые очень трудно положить в основу любой математической модели. Мне кажется, что если бы эта модель была применена к периоду перед самым началом Великой Отечественной войны, то анализ показал бы абсолютную бесперспективность этой войны для Советского Союза. Вы же хорошо знаете, сколько и чего производила Германия¹. А добавьте сюда еще всю Европу, которая была поставлена ей на службу. Ну никаких перспектив у СССР не было. Правда, А.И. Неклесса, когда мы об этом заговорили, нарисовал несколько связей, которые при этом могут оказаться за гранью анализа. Например, Перл-Харбор и совпадение с нашей Ржевской операцией. Операция союзников в Северной Африке и наша успешная операция и многое другое. Есть еще кое-что, что трудно представить,

¹ В литературе известны прямо противоположные анализы (ред.).

прогнозируя будущее, но вполне можно проанализировать, имея в виду анализ прошлого.

Мне представляется, что когда мы имеем дело с анализом социальной общности, общества или государства, все, что говорил докладчик о коррупции, о преступности и т. п. — все это, отчасти, правда. Почему отчасти? Потому что далеко не одни глупцы сидят наверху. И не все — коррупционеры.

Если Вы сейчас общаетесь с молодежной средой, то, я думаю, Вы, заметили очень интересную тенденцию: среди молодежи, которая воспитана в обществе, далеком от идеала, появляются молодые люди, которые по отношению к своей стране — к тому, что должно происходить, кем они хотят стать — мало чем ментально отличаются от нашего поколения. А мы ведь с искаженными мозгами — у нас была промывка мозгов, мы проходили коммунизм, проходили соответствующую подготовку. Многие — даже из сидящих здесь — были членами партии, а на прошлом семинаре и диссиденты бывшие были, хотя они сейчас мало чем отличаются от нас. У меня есть очень интересный товарищ: он с клеймом «бывший антисоветчик», отсидел за это 8 лет. Мы с ним близкие друзья. Был период, когда мы с ним морально находились по разные стороны баррикад, встретились уже в зрелом возрасте. И он, анализируя диссидентство 1990-х гг., говорил: «Если это демократы, если это борцы за свободу, то тогда, кто мы — вот те, которые сидели за это в лагерях?». Потому что это — не демократия, это — не борьба за свободу. Я почему об этом говорю? Потому что все равно, какой бы анализ мы не делали, он рано или поздно перед каждым из присутствующих здесь ставит вопрос: ты зачем живешь? Для чего ты делаешь эти модели? Для чего ты издаешь публикации и т. д.? Ответ может заключаться еще и в том, что *homo sapiens*, по всей видимости, по божьему промыслу (или кто-то иной заложил ему «чип») обладает удивительной способностью к самовыживанию. Это касается, прежде всего, общественно-го самовыживания. Мне кажется, было бы очень интересно,

если бы такие ученые, как Вы, сосредоточились, в том числе, на исследовании этой стороны человеческого сознания и, как следствие, — деятельности человеческого общества.

Но, еще раз повторю: я исключительно затронут Вашим докладом. У меня есть масса поводов, чтобы со многим не соглашаться, но это совершенно не означает, что мне не хотелось бы, чтобы эта работа продолжилась. Спасибо.

Непозволительно будущее страны вновь связывать с утопией

*А.С. Цирко,
доктор философских наук*

Согласен с автором доклада, что Россия тяжело больна и больна многими тяжелыми болезнями. Согласен с автором и в том, что «шизофрения и рак», как он говорит, поразили прежде всего наши мозги. За нашим российским аутизмом стоит если не окончательная утрата, то резкое ослабление инстинкта национального самосохранения. Мы принадлежим к нации, которая сама, «своими руками разрушила свою страну», настаивает Григорий Малинецкий. И я с ним согласен. Хотя автор доклада настаивает, что прошлого нет, и мы должны убрать при оценке настоящего кризиса споры о прошлом, но нельзя не вспомнить, что идея суверенитета РСФСР, идея выделения РСФСР из исторической, создававшейся веками России, идея, вызревшая в недрах почвеннической интеллигенции — тоже была отягощена уже давно сложившимся «российским аутизмом».

При всем уважении и даже восхищении результатами анализа наших нынешних российских болячек, проделанного Г.Г. Малинецким, не могу не видеть, что и в самом докладе на поверхности лежат симптомы того, что он называет аутизмом, т. е. присутствует, на мой взгляд, «неадекватная реакция на все неприятное и волнующее». Речь идет о его принципиальном нежелании изучать причины нынешней деградации российского социума, о нежелании видеть, признать очевидное, что многие симптомы деградации давали о себе знать и в рамках советской системы и во многих случаях сегодня

вырвалось на поверхность то, что сложилось три-четыре десятилетия назад.

Только один пример. Верно, и это соответствует фактам, что именно после распада СССР, слома советской системы начала стремительно расти доля населения, оказавшегося на дне и утратившего надежды, смысл жизни. Но не соответствует фактам утверждение докладчика, что только сейчас «национальной проблемой стало пьянство». Если бы Г.Г. Малинецкий к своей систематизированной феноменологии нынешнего кризиса присовокупил динамику развития всех без исключения болезней современной России, то он увидел бы, что, к примеру, пьянство зашкаливало за критические цифры уже в советское время, во второй половине 1970-х и в первой половине 1980-х гг., что именно угроза уничтожения советской, российской нации заставила Михаила Горбачева, по настоянию Егора Лигачева, приступить к непопулярным и, согласен, непродуманным мерам по борьбе с пьянством. Кстати, по количеству самоубийств по политическим причинам, в знак протеста против политической системы, мы занимали первое место в мире и в 1960-е, и в 1970-е гг. Вот вам живая статистика. Из моего курса — чуть более ста человек, поступивших на философский факультет МГУ в 1963 г., — около 60% были демобилизованные из армии, шесть человек покончили жизнь самоубийством по политическим причинам, в знак протеста против системы, от нежелания, неспособности приноровиться к партийной правде.

Я согласен с мнением Владимира Якунина, что несмотря на декларацию нашим докладчиком принципиальной аполитичности, несмотря на его, верю, искреннее желание выйти за рамки споров о нашем советском прошлом, на самом деле представленный на наше рассмотрение текст предельно идеологичен, предельно политичен.

Приведу только один пример. В заключительных разделах доклада, отступив от продекларированного принципа не ворошить прошлое, Григорий Малинецкий заявляет, что при-

чина нынешней социальной и демографической катастрофы коренится в оттепели Хрущева, который якобы «приземлил» высокие смыслы и ценности, державшие советское общество, взял «курс на расслабление и догоняющее развитие». Сам по себе тезис, что «расслабление», произошедшее после прихода к власти Н.С. Хрущева, — т. е. отказ от системы «галочек» в колхозах, переход к более широкому материальному стимулированию и в аграрном, и в промышленном секторе, само стремление Хрущева повысить уровень материального благосостояния советских людей, избавить их от сталинских страхов, что и погубило русского человека, — не нов. Он является общим местом во всех книгах, изданных в последние два года в рамках проекта «Россия». К примеру, в работе «Русская доктрина» тоже утверждается, что «СССР развалился не от нашей скудости, а от неприличного в своей глупости культа «сытости», культа «модных вещей», культа «подражания», от прочих обывательских идеалов». В этой же работе утверждается, что катастрофа наступила тогда, когда Хрущев начал переселять советского человека из бараков в пятиэтажки.

И здесь обнаруживается, что главным и решающим при определении стратегии России является все же анализ смыслов, ценностей, что даже оценка самих процессов, подрывающих жизнеспособность современной России, зависит от исходного мировоззрения тех людей, которые занимаются прикладными исследованиями. Диагностика болячек современной России — какой бы она ни была всесторонней, как бы полно она ни учитывала мировые тренды, как бы она ни была системна и комплексна — дает нам, на самом деле, только расписание поездов, а на вопрос «куда и как нам ехать?» не может ответить.

Если вы исповедуете неосталинизм в духе Александра Зиновьева, убежденного в том, что сталинская система была наиболее адекватна природе русского человека, то вы не станете бороться с нынешней нищетой и всех, как в 30-е и

40-е, уравнивать в этой нищете; а если Вы будете следовать не придуманному, а реальному, на самом деле очень умному и практичному русскому человеку, если вы будете следовать русской поговорке «Бедность не порок, а несчастье» или же поговоркам «Нет греха хуже бедности», «Богатство перед богом — великий грех, а бедность — перед людьми», то вы все же начнете догонять страны другой, западной Европы по уровню благосостояния. В конце концов, спор о смыслах, о том, какие ценности присущи русскому человеку, решается путем честного исследования реального мира, реальных ценностей российского человека.

И здесь я вынужден обратить внимание на опасности, которые подстерегают нас, гуманитариев, на пути сотрудничества с естественниками. Все дело в том, что для гуманитариев, имеющих более или менее приличную школу, знающих историю нашей общественной мысли, очевидно, что все эти постулаты об особой, аскетической природе русского человека, об особой русской цивилизации, качественно отличающейся от христианского Запада, совсем не аксиоматичны, что в данном случае мы имеем дело только со взглядами нескольких мыслителей, взглядами Николая Данилевского и Константина Леонтьева. А естественник Григорий Малинецкий воспринимает, как видно из его доклада, все эти постулаты позднего славянофильства или взгляды уважаемого Сергея Кара-Мурзы как истину в последней инстанции. Я лично — как исследователь, привыкший работать с фактами и проживший в рамках советской системы полвека, — не нахожу подтверждения ни в истории, ни в своей жизни почвы для веры в то, что в России был якобы какой-то особый экономический уклад, основанный на коллективном труде, на способности ставить «общее выше личного». И совсем уж прекраснотушной утопией является для меня предложение нашего докладчика воссоздать особый русский мир, который освободился бы от «традиционных для Запада материальных стимулов», который ставил бы «общее выше личного».

Душа русского человека уникальна: это особый мир страстей, переживаний, это особая динамика чувств, поступков. Но все же, русский человек в жизни, в быту — хозяин, и в этом смысле живет умом, своим интересом, стремится к обустройству прежде всего своей жизни, своего дома.

Обратите внимание. Наш новый патриарх Кирилл, создавший социальную доктрину православия, во всех своих статьях и выступлениях всегда говорит, что русский человек должен относиться к своему дому, хозяйству рачительно, как Бог относится к созданному им миру; патриарх говорит, что утопией являются попытки создать «свою особую русскую банковскую систему», свою особую русскую ипотеку, особый русский рынок, не знающий интересов прибыли». Другое дело, поясняет в своих речах наш новый патриарх, что богатый, преуспевающий хозяин должен заботиться о своих подчиненных, ближних, должен делиться своим богатством со страждущими и т. д.

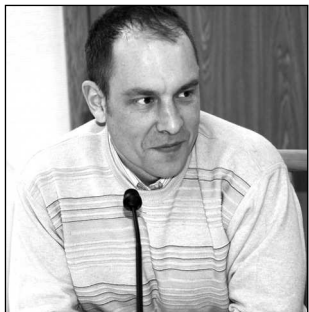
Нет времени и места для споров о русской душе. Хочу напомнить только, что в России побеждали те политики, которые знали реального русского человека, настроения и чаяния крестьянина. К примеру, Ленин в октябре 1917 г. захватил власть не с лозунгом «общее выше личного», не с лозунгом обобществленного коммунистического труда, а, напротив, делая ставку на эгоизм и личный интерес русского крестьянина, крестьянина-собственника; Ленин победил, ставя настоящее желание солдат остаться в живых — отсюда лозунг мира, он победил, обещая крестьянину землю, т. е. учитывая его желание расширить свое личное, индивидуальное хозяйство, и т. д. Кстати, по этой же причине в 1991 г. победили наши демократы, которые обещали уставшему от вечного советского дефицита советскому человеку достаток, высокую заработную плату и прочие блага жизни.

Раз мы здесь все ученые, то давайте перестанем жить мифами. Пора заняться и серьезным исследованием природы и души русского человека и, самое главное, интересами и стро-

ем души современного, посткоммунистического русского человека. По крайней мере, лично для меня и сборники русских пословиц, и «Домострой», и письма из деревни Энгельгардта, и очерки Глеба Успенского о русской деревне — все, что писали о русском мужике и Чехов, и Бунин, и, кстати, Максим Горький, куда более важнее, как свидетельства истории, чем гипотезы Николая Данилевского. Надо верить в Россию, но пора после 70 лет коммунистического эксперимента освободиться от веры в чудо, избавиться от соблазнов своей особенности и исключительности.

Мне думается, что сама идея сегодня, в современном мире, создать особый, уникальный тип хозяйства, освободившись от всех тех стимулов, на которых развивалась человеческая цивилизация, является куда более вызывающим мифом, чем миф Маркса. Мифотворчеству большевиков есть оправдание: они говорили о том, чего никогда не было, они имели право на надежду. Но нам, после поражения военного коммунизма 1918–1920 гг. и после самораспада советской социалистической системы, нельзя, непозволительно снова связывать будущее страны с утопией, с надеждой на то, что всю Россию можно превратить в монастырь, где все будут подчинять свой труд идее служения Богу.

Возможна ли социальная самоорганизация в условиях «абсолютного государства»?

*А.Н. Окара,
кандидат юридических наук*

Представленный доклад очень интересен прежде всего своей междисциплинарной ориентацией и попыткой математически точно рассчитать «золотое сечение» социальных процессов. Этим же интересна и деятельность Георгия Геннадьевича Меленецкого в области синергетики и пропаганды синергитических методов анализа и прогнозирования. Серия книг по синергетике, вышедших под его редакцией стала явлением в российской интеллектуальной жизни последних лет.

Синергетику можно интерпретировать как синтетическую и междисциплинарную сферу знания о самоорганизации. Это значит, что участники социальных отношений, как предполагается, сохраняют свою субъектность и самодостаточность. Поэтому с этой точки зрения «идеальное будущее» России должно представляться нам как синергия общества и государства. Для этого необходимо найти механизмы и инструменты, при помощи которых общество в лице различных субъектов (общественных организаций, корпораций, профсоюзов, социальных сетей) обретает собственно субъектность прежде всего в отношении с государственными институтами.

Поэтому главное противоречие внутри рассуждений докладчика, как мне кажется, заключается в том, что «альфа и омега» в этих построениях — «идеальное государство». Именно оно становится тем «абсолютом», который и организует, в конце концов, всю социальную «самоорганизацию». Иначе

говоря, «самоорганизация» инспирируется «сверху» — «абсолютным государством»: такая вот своеобразная «официальная народность».

Но мы-то знаем, что «абсолютных государств» не бывает! В заслушанном нами докладе, с одной стороны, говорится о «смертных грехах» государства, с другой — на него обращено все авторское упование.

Видимо, это противоречие между социальной самоорганизацией и абсолютным статусом государства — еще одна «родовая черта» российской политической системы и политической культуры России. Именно об этой монособъектности российской власти писали все «мейнстримовые» российские историки — от Ключевского до Фурсова с Пивоваровым. Увы, в подобных условиях возможности самоорганизации резко ограничены, а эвристичность синергетических моделей снижена.

Надежду на смену этого длительного тренда приходится связывать, как мне представляется, с появлением нового «креативного класса», который связывал бы дальнейшее развитие России с обретением российским обществом подлинной, а не симуляционной субъектности. Тогда речь можно вести и о синергетическом взаимодополнении государства и общества.

До тех пор, пока государство будет системно и последовательно уничтожать и ограничивать общественную субъектность, синергетика и предлагаемые в докладе модели математического моделирования социальных процессов останутся лишь забавной интеллектуальной игрой.

Я не исключаю, что в российских условиях растянутости государства и неразвитости всех инфраструктур подобная монособъектность власти — это единственная форма выживания. Но очень хотелось бы видеть реальные альтернативы. Страхи и ужасы России, которые проверены и подтверждены математическими моделями, — это наше ужасное настоящее и катастрофическое будущее.

Важной особенностью российской политической культуры является вера власти и подвластных слоев населения в чудо. Российская власть ищет не стратегии выхода из кризиса. Она верит. Верит в то, что мировые цены на нефть вновь пойдут в гору, и жизнь как бы наладится.

В этом смысле нам, как носителям определенной культуры и ментальности, стратегию построения будущего необходимо основывать не только на вере в чудо, но и на жестком моделировании и стратегировании тех сверхусилий, которые, как абсолютно справедливо заметил Г.Г. Меленецкий в начале доклада, по своему совокупному объему и по тяжести сравнимы разве что с победой в Великой Отечественной войне.

То есть, нам надо победить еще раз. Думаю, что синергетические модели способны нам в этом оказать незаменимую помощь.

Просвещение надо вводить осторожно,
по возможности избегая кровопролития

*Д.С. Чернавский, доктор
физико-математических наук*

Первое замечание. Я рад поздравить Георгия Геннадиевича с очередным блестящим докладом, что уже неоднократно делал. Содержание мне хорошо знакомо, это наше общее содержание.

Каковы задачи теории. Пусть будет теория гуманитарной и/или математической. С моей точки зрения, задача теории в социологии — *не делать* прогноза. Ситуация слишком неустойчива, чтобы делать какие-то прогнозы на 10–20–40 лет. Задача теории другая — в ближайшее время сказать: если будет принято такое-то решение, то каков будет ответ системы. Это и было продемонстрировано.

Второе. Что такое идеология. В моем понимании идеология — некоторая формализация того, что называется ментальностью, т. е. шкалы признаков, привычек и т. д., в которой живет данное общество. Условных привычек: у одних выше закон, у других — справедливость, у одних три жены, у других — одна жена. Но идеология — это общее, условная информация, условный выбор взаимного поведения и, соответственно, шкалы ценностей. Единая идеология — ощущение общности шкалы ценностей. Это очень важно, в частности, для здоровья, как показал доктор Гундаров. Он специально ввел пси-фактор и показал, что люди умирают от тоски. А тоска возникает тогда, когда то, во что человек верил и продолжает верить, вдруг объявляется ложным. Если у общества есть единая идеология, то оно здорово, оно может сопротивляться. Если единой идеологии нет — одни продол-

жают верить в старое, а другим кажется, что лучше новое, — то нас ждет то, о чем говорил Г.Г. Малинецкий.

Третий главный вопрос: можно ли нам, умным людям, собраться, подумать и «придумать» такую хорошую идеологию, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, и все довольны? Нельзя этого сделать. Можно уговорить, заставить людей верить во что-то, можно частично, с помощью СМИ и ТВ, переубедить людей, но очень немногих.

Я внимательно прочитал тезисы содоклада. Очень хороший у Б.В. Межуева обзор идеологий, которые нам предлагались в течение 15 лет. Все они рушились. Почему? Неадекватны. Это были попытки придумать и навязать идеологию стране, у которой другая ментальность.

Четвертое замечание. Идеология нуждается в лозунге. Лозунг не должен быть логическим. Лозунг должен призывать к чему-то, но не логически, а интуитивно; он должен быть созвучен с ожиданиями большинства общества. Лозунг должен быть обещающим (нацеленным в будущее) и привлекательным: «Все будет хорошо!».

Теперь главное. Есть такое слово «демократия». Оно ничего не значит. Сейчас, во всяком случае, не значит. Но у многих оно вызывает отрицательную реакцию. А у некоторых — положительную. Стоит ли его включать в лозунг? Другой лозунг — «антидемократия или тоталитаризм». У многих он сейчас вызывает положительную реакцию. И популярность его растет.

Наконец, последний вопрос: как перейти от совсем недавно популярного слова «демократия» к другому, противоположному лозунгу, более адекватному России? Хотелось бы перейти наиболее безболезненно, поскольку «просвещение нужно вводить осторожно, по возможности избегая кровопролития».

Стадии формирования лечебной диагностики общественного организма

*В.Э. Багдасарян,
доктор исторических наук*

Тематика семинара определялась задачей диагностирования «болезней России». Само понятие «болезнь» предполагает применение вполне конкретной методологической матрицы. Если это не метафора, а строгая дефиниция, которая выносилась в качестве основного предмета обсуждения, то в соответствии с ней и следовало бы осуществлять научный поиск.

Понятие «болезнь» связано с определенным категориальным рядом. Его выстраивание логически неизбежно при введении исходной дефиниции. Удалось ли выдержать указанную методологическую линию в докладах? Несмотря на то, что и доклад, и содоклад были весьма содержательны и интересны, от методологии раскрытия феномена «болезни» (именно в такой постановке проблемы) в них по существу ничего не обнаруживается.

Болезнь может только живой организм. И только к нему применимо понятие «болезни». Поэтому единственно уместной методологией при данной постановке вопроса может служить организменный подход. Речь, следовательно, должна идти о понимании общества как биосоциальной системы. В других исследовательских подходах к общественным феноменам применение понятия «болезни» есть либо метафора, либо бессмыслица.

Методология организменного подхода к государству пока еще не разработана в должной мере. Что же нужно сделать для ее становления? Вероятно, гуманитарные науки при из-

учении общества должны пройти тот же путь, который был пройден в познании индивидуального организма. Какие же стадии структурируют данную линию исследований.

Первая стадия — собственно, с нее и начиналась медицина — заключается в выявлении симптомов болезни. Одни эксперты сейчас могут сказать, что российское общество больно, другие — здорово. А где, собственно, критерий общественного здоровья? Номинированные в докладе критические пороги — это и есть один из возможных симптомов, определителей болезни исследуемого общества.

Вторая стадия состоит в том, чтобы разобраться, как устроен сам организм. Медицина как наука совершила существенный прорыв в своем развитии, когда в эпоху Возрождения стали появляться различного рода анатомические атласы. А как организменно устроено наше общество? Какова его анатомическая модель? Без ответа на этот вопрос познать природу общественных болезней невозможно. На сегодняшний день, несмотря на прошедшие тысячелетия, ничего лучше, чем древнеиндийский вариант организменного моделирования общества, с четырьмя структурами, сферами бытия, если идти снизу вверх — биологически-плотской, социально-экономической, политической и духовной, — пока не предложено.

Третья стадия состоит в решении задачи определения этиологии болезни, выявления причин расстройства организма. Для общества эти этиологические зависимости выявляются исторически. Бороться надо не с проявлениями болезни, не с температурой, а с причиной заболевания. Соответственно, нужен причинный классификатор болезней. Пьянство — это, безусловно, социальная болезнь, но причина его заключается не в нем самом. Этиология пьянства может быть обнаружена, в частности, в духовном кризисе, высокой психической стрессорности, деструкции идентичностей или каких-то других факторных основаниях. При использовании принятых в медицине понятий эндогенного и экзогенного факторов мы

через последний выходим на констатацию, что болезнь государства может быть вызвана внешним силовым воздействием. При целенаправленном поражающем влиянии извне (от прямой агрессии до несилового поражения) общественный организм может быть тривиально умерщвлен.

Сегодня в рамках теории эпидемиологического перехода констатируется наличие тенденции изменения этиологии смертности в направлении переориентации от экзогенных причин к эндогенным. Раньше чаще умирали от внешних факторов — таких как убийство, в современном развитом мире умирают преимущественно от сердечно-сосудистых заболеваний. Аналогичное положение обнаруживается и при диагностировании общественных болезней. Ранее государства чаще всего гибли в результате внешних агрессий, прямых завоевательных походов. Теперь основная причина их гибели заключается в ослаблении внутреннего несилового фундамента, духовного и психического состояния общественного организма. Выстояв при воздействии экзогенных факторов, Советский Союз оказался пораженным экзогенными по своей природе недугами.

Четвертая стадия заключается в задаче определения вирусов. Необходимо научно установить: каковы вирусологические угрозы для нашего общества? Задача их идентификации предполагает, соответственно, и классификационный анализ. В общественном дискурсе сегодня номинировано понятие «социальная вирусология». Пока оно еще, впрочем, не имеет конкретного содержательного наполнения. В его разработке состоит исследовательская перспектива. При конкретном анализе вполне может так оказаться, что, к примеру, конструкт «общечеловеческих ценностей» будет идентифицирован в качестве одной из форм социального вируса, служащего источником подрыва организма государственности.

На пятой стадии решается задача соотнесения характера протекания болезни с индивидуальными и возрастными особенностями организма. Не могу не процитировать призна-

ние одного из главных теоретиков российских реформ американца Д. Сакса о бесперспективности применения в них универсальных для западной цивилизации схем: «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». Соответственно, надо знать анатомию того общественного организма, к которому применяется лечебная практика.

Надо знать также и возраст. Американская цивилизация в 5 раз моложе российской, а российская примерно во столько же раз моложе китайской. От установления цивилизационного возраста напрямую зависит рецептура лечения. Безусловно, лечение древней государственности и лечение новорожденного государственного организма имеют свою специфику.

Наконец, шестая стадия состоит в организации самой лечебной практики. Она, как показано выше, должна осуществляться не по наитию, а на основе последовательного прохождения этапов научного диагностирования.

Сам по себе подход рассмотрения государственно-управленческой деятельности по аналогии с лечебной практикой, применяемой в отношении общества, дает возможность нового осмысления функций государства. В тоже время, констатация необходимости лечения и профилактики общественного организма может явиться существенным доводом против либерального концепта об эффективности саморегуляции общества. Конечно, возможны и неверные лечебные рецепты. Можно, в частности, залечить общество, выписать неверные лекарственные препараты. Однако ошибки, по мере развития новой науки, будут неизбежно сокращаться. Само заданное в тематике семинара понятие «болезнь» закладывает теоретический фундамент в формирование методологии организменного познания общественных феноменов.

Кто окажется источником накопления для нового исторического рывка?

А.И. Фурсов,
кандидат исторических наук

За последние месяцы я слушаю выступления Г.Г. Малинецкого уже третий или четвертый раз, и с каждым разом они вызывают у меня все больший интерес.

По сегодняшнему выступлению у меня несколько замечаний.

Первое. Вы, Георгий Геннадиевич, говорите о том, что мир-системный анализ (МСА) хорошо объясняет современный мир. Как человек, много работавший с мир-системщиками в совместных проектах и написавший несколько работ о МСА, убежден: этот подход объясняет немало в истории раннего, доиндустриального капитализма, но «работает» только до 1830–1840-х гг., т. е. до возникновения индустриальной системы. Как известно, отец-основатель МСА И. Валлерстайн из запланированных пяти томов написал только три, доведя историю мир-системы до 1830–1840-х гг.

Позднее, уже на индустриальной основе (МСА не работает со структурами производства, в нем главное обмен, поэтому Р. Бреннер назвал подход Валлерстайна «неосмитовским марксизмом»), в «длинные пятидесятые» (1848–1867 гг.) европейская мир-система превратилась в мировую систему, нанеся удары по русской (Крымская война) и китайской (Вторая Опиумная война) мир-системам и в разной степени включив их в себя. В 1980-е гг. мировая система претерпела еще одно изменение, мутировав в глобальную. Таким образом, МСА объясняет лишь детство капитализма и самое начало (1780–

1830-е гг.) современного мира, но никак не современный мир в целом, не говоря уже о сегодняшнем дне.

Второе. Я бы не стал объединять Ивана Грозного, Петра I и Сталина. На мой взгляд, можно поставить в один ряд Ивана Грозного и Иосифа Грозного, хотя в силу объективных и субъективных причин результаты первого менее впечатляют. Петр I провалился практически во всех своих начинаниях. Да, он прорубил окно в Европу, заколотив предварительно дверь.

Должен возразить В.И. Якунину. У Гитлера почти не было **практических** шансов выиграть войну у СССР — это было одной из причин, почему Сталин не верил в сообщения о готовящемся нападении, процентов на 90–95 оно было самоубийственным для фюрера. Например, в 1938 г. доля Германии в мировом производстве составляла 13,2%, а СССР — 17,6%; национальный доход (данные по 1937 г.) — 17 млрд и 19 млрд долл. соответственно (расходы на оборону — 23,5% и 26,4%). Но дело даже не в этом: несопоставимы ресурсный, демографический и, если можно так выразиться, пространственный потенциал. Я уже не говорю о перспективе войны Рейха на два фронта. Теоретически Гитлер мог бы нанести поражение Советскому Союзу при соблюдении трех условий:

- 1) разгром **всей** Красной армии у границы; для этого нужно было, чтобы вся Красная армия была сосредоточена в приграничной зоне и у нее не было бы ни второго, ни третьего эшелонов обороны — именно в этом уверил Гитлера Канарис, работавший с 1939 г. на англичан и своей дезинформацией втравивший Гитлера в войну с СССР;
- 2) захват Рейхом украинской промышленной базы — именно это не позволил сделать Сталин, сконцентрировав войска не на главном направлении удара (группа армий «Центр» через Белоруссию), а для защиты Украины, чтобы дать возможность провести эвакуацию и уничтожить то, что не удастся эвакуировать;

3) победное окончание кампании в конце августа 1941 г. — только блицкриг имел шансы на победу.

Два месяца сопротивления Красной армии, несмотря на жесточайшие поражения, по сути лишили Гитлера даже теоретических шансов на победу. Неслучайно, что уже в августе 1941 г. у берегов Ньюфаундленда на борту американского крейсера «USS Augusta» и британского военного корабля «HMS Prince of Wales» Черчилль и Рузвельт (притом что США еще не вступили в войну) провели секретные встречи и обсудили будущее — после победы — устройство мира («Атлантическая хартия»).

Нападение Гитлера на СССР было акцией отчаяния, спровоцированной британской разведкой, в очередной раз успешно стравившей немцев и русских. При полноте информации, как говорил сам Гитлер и как показывают исследования последних десятилетий, он никогда не рискнул бы напасть на СССР, поскольку соотношение сил было явно не в его пользу. Только в прямом союзе с Великобританией Гитлер мог бы всерьез воевать с СССР. Однако в таком случае на стороне СССР, несомненно, оказались бы США, и мировая война затянулась бы надолго, хотя результаты, скорее всего, были бы плачевными для британцев и немцев. Впрочем, здесь мы вступаем в область неочевидных предположений. Очевидным является то, что шансы на успех у Гитлера были сверхминимальные.

Теперь о более общих вещах. В докладе блестяще показано, что постсоветский социум в значительной мере утратил системные качества. Т.е. по целому ряду важнейших характеристик он обладает качествами не столько системы (система — это объединение, по определению Л.А. Петрушенко, обладающее внешней и внутренней необходимостью по своему существованию и содержанию), сколько объединение (по определению того же автора, объединение — это множество, которое по своему существованию и содержанию обусловлено случайностью, т. е. какой-либо внешней в отношении

этого множества необходимостью). Тому есть вполне политэкономическое объяснение.

Во-первых, нынешняя РФ — элемент мировой системы, причем элемент, главным образом, не определяющий, а определяемый и уж тем более не системообразующий. Во-вторых, социально-экономическую ситуацию РФ характеризует следующее: те процессы, которые в Западной Европе носили диахронный характер, в РФ развиваются синхронно. Речь идет о первоначальном накоплении капитала и о собственно капиталистическом накоплении. В ядре капиталистической системы первоначальное накопление, которое не является капиталистическим, расчищает для последнего почву, нанося удары по докапиталистическим (в Европе — феодальным) формам, выступая их терминатором. На периферии и полупериферии капсистемы в XIX–XX вв. и на постсоветском пространстве в девяностые и «нулевые» годы оба эти процесса сосуществуют, они синхронны. Более того, первоначальное накопление (легальный, полукриминальный и криминальный передел собственности) постоянно подсекает, блокирует здесь капиталистическое, существует за его счет и в ущерб ему. Постоянный передел не позволяет сформироваться здесь не только буржуазному обществу, но организованному обществу вообще. Результат — «общество-каша», не столько социальный космос, сколько социальный хаосмос. Само это состояние используется в качестве орудия управляемого хаоса, что еще более усугубляет ситуацию.

В таких условиях национальной идеи быть не может. Национальная идея — чья? Кто ее субъект? Я с интересом ознакомился с докладом Б.В. Межуева. Полагаю, однако, что «суверенная демократия», о которой он говорит, не имеет отношения ни к национализму, ни к русскости. «Суверенная демократия» — это, как сейчас любят говорить, «месседж», послание представителя одного корпорации-государства другим корпорациям-государствам, свидетельствующее о том, что данное корпорация-государство не собирается бо-

лее утрачивать суверенитет, как это было во времена горбачевщины и ельцинщины.

И последнее — о прогнозах. Сложно прогнозировать, когда общество находится в точке бифуркации, т. е. у него максимум вариантов в рамках некоего коридора возможностей. Отчасти, в прогнозировании нам может помочь история — история систем. Как в свое время заметил А.А. Зиновьев, эволюция крупных сложных систем необратима. Иными словами, анализ логики истории той или иной социальной системы позволяет даже в точке бифуркации сделать некоторые предположения.

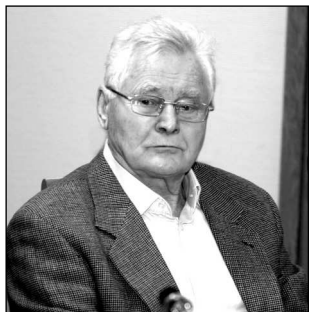
В русской истории серьезные качественные (системные) сдвиги происходили тогда, когда социум исчерпывал вещественную субстанцию, проедал наследие прошлого. До сих пор таких переломных, судьбоносных моментов было всего два — 1565 г. и 1929 г.

К середине XVI в. Русь исчерпала ордынско-удельное наследие, прежде всего земельный фонд — не осталось земли, которую можно было раздавать «детям боярским» (дворянам). Чрезвычайная комиссия (ЧК) под названием «опричина» (она же — эмбрион самодержавия) стала средством решения проблемы перераспределения власти и собственности таким образом, который соответствовал русским национально-государственным интересам.

В 1920-е гг. было окончательно проедено русское дореволюционное наследие — промышленность встала, земельный фонд исчерпан (аграрное перенаселение). Коллективизация и индустриализация стали тем выбором, который не только создал новую систему русской истории, но и совпал с национально-государственными интересами. Оба выбора — опричный и советский — были сделаны в острой внутриэлитной борьбе, по сути — в гражданской войне элит, причем в обоих случаях верх взяли национально-ориентированные группы, группы, ориентированные на центроверх, на сохранение целостности и суверенитета страны.

Советское наследие, вещественная субстанция, оставшаяся от СССР, будет проедена в ближайшие 5–6 лет и где-то в середине «десятых», эдак году в 2017-м — аккурат к столетию Октября — встанет выбор: кто окажется источником накопления для нового исторического рывка, для создания новой социальной системы? Кто — верхушка (часть верхушки) или население? Борьба за выбор, скорее всего, расколет верхушку и вызовет обострение смуты. В таких условиях и может возникнуть новый исторический субъект, способный создать новую национально-ориентированную систему. Способом создания, однако, может быть только борьба — «отец всего».

Болезнь цивилизационного роста способна помочь развитию

*С.Г. Кара-Мурза,
доктор химических наук*

Я исхожу примерно из той же фактологической базы, что и Георгий Геннадиевич, но я рассматриваю систему «объект Россия», ее актуальные, готовые к употреблению ресурсы и внешнюю среду иначе, чем показано в докладе. Я считаю, например, что в 1990-е гг. мы наблюдали (помимо прочего) подвиг российского народа. Он проявил такую силу и внутреннюю устойчивость, которые никакое другое общество, по-моему, не имеет. Ни одно общество не выдержало бы тех потрясений, которые выпали на долю нашего. Это и есть, собственно, способность выиграть войну типа Отечественной. Это качество недостаточное, но ведь оно необходимое! Без его учета образ неверен.

У меня есть диагноз болезни. Это болезнь цивилизационного роста, она неоднократно с нами случалась. Это болезнь не фатальная. Наоборот, при умелом ее «проведении» она превращается в источник развития. Иное дело, что этого умелого «прохождения» через болезнь не наблюдается, но это другая тема.

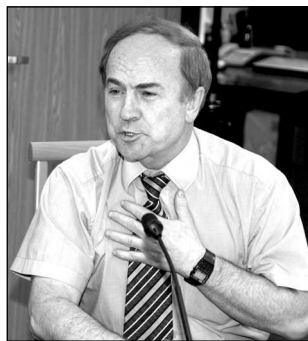
Дальше. Есть ли у нас социальный субъект, который мог бы стать субстратом для нового поколения, которое возродит Россию? Я считаю, что да. Эти общности зреют, они еще не готовы, но их ячейки находятся в таком состоянии, что обращение фаз может произойти очень быстро. Более того, социальные формы, адекватные вызову и потребностям развития, тоже формируются. Формотворчество идет гораздо быстрее, чем мы привыкли думать. И в стабильные периоды,

и на фазе кризиса, как сейчас. Собственно, советский период это показал — вспомним и 1920-е, и 1930-е гг., вспомним войну... Главным социокультурным источником, из которого могут быть рекрутированы отряды этого социального субъекта, — это постсоветская молодежь. Молодежь, лишенная тех дефектов, которые привели к цивилизационному срыву Советского проекта. Нынешние четырех-, пятикурсники — это самый благодатный материал для такого цивилизационного строительства, для большого антикризисного национального проекта. Второй субъект — это старики, которые еще вполне дееспособны, и как только им будет дан клич, они покажут, каков их потенциал. Ну и, наконец, наш огромный госаппарат в массе своей, конечно, тоже выполнит свои функции, как только ему прикажут или хотя бы разрешат восстанавливать Россию. Он в массе своей честно потянет лямку, несмотря на все его нынешние дефекты.

Пессимизм Георгия Геннадиевича понятен и вызывает сочувствие, но рационально он не обоснован. Тут есть искажение меры. Небольшое, но вблизи критической точки, поэтому существенное.

Нам нужна рациональная психотерапия, объясняющая суть происходящего

И.А. Гундаров,
доктор медицинских наук
кандидат философских наук

Доклад очень интересный, насыщенный и, несомненно, достоин похвалы. Но я остановлюсь на замечаниях.

Первое замечание. При моделировании демографических процессов следует все-таки опираться на точные цифры и никому не верить на слово — все проверять, докапываясь, насколько возможно, до первоисточников. Например, было сказано, что через 50 лет численность россиян станет меньше ста миллионов. Важное заявление, но оно неверное, поскольку для этого мы должны ежегодно сокращаться на 900 тыс. человек, а реальная депопуляция составляет 300–500 тыс. человек. Большая неточность вводит в большое заблуждение.

Или сказано, что по потреблению алкоголя мы чуть ли ни самая пьющая нация. Откуда такие сведения? Больше нас пьют португальцы, французы, немцы и др. Говорят, что при 8 литрах абсолютного алкоголя на душу населения в год наступает деградация нации? Но в 60-х гг. французы пили более 20 литров, и деградация не наступила.

Второе замечание. Демография — это значительно более сложное явление, чем понимают ее классические демографы. По образованию они в основном экономисты и кроме экономических категорий ничего в объяснение происходящих в народонаселении процессов не предлагают. Тогда как для понимания законов воспроизводства человеческого рода требуется знание психологии, социологии, культурологии, биологии, медицины.

Следует критично проанализировать распространенную установку, что для наведения порядка в обществе, для повышения рождаемости и снижения смертности нужна «сильная рука» государственной власти. Но в 1930-е гг. в РСФСР при Сталине рождаемость упала в 1,5 раза. Лукашенко в Беларуси сейчас — «сильная рука», не временщик, заботится о народе, экономика развивается устойчиво. Но смертность — такая же высокая, и рождаемость такая же низкая, как и в РФ. Даже если станем богаче в 2–3 раза, демография не улучшится, доказательством чего служит Белгородская область, где губернатором Савченко — талантливый руководитель, хозяйственник, добрый человек, заботящийся о благополучии народа. О таком руководителе только мечтать приходится. Промышленное и сельскохозяйственное производство у него значительно выросло за годы реформ, белгородцы лидируют среди всех регионов России. А что с демографией? Примерно такая же картина, как и по стране в целом. Почему? Ведь власть дает много «хлеба и зрелищ»...

Третье замечание. Я очень рад, что Центр С.С. Сулакшина стал активно заниматься тем фактором, который прежде наукой не учитывался — идеальной реальностью. Традиционно в демографических исследованиях изучают влияние на народонаселение материальной реальности — ВВП, промышленное производство, потребление продуктов питания, жилищные условия, состояние здравоохранение и т. д. Но современная наука научилась измерять и нематериальную реальность — социальную атмосферу, общественное сознание. Для этого воспользовались подсказкой религиозных социальных психологов. Они предлагают по делам людей оценивать то, что творится в душах перед совершением соответствующих поступков. Например, самоубийство служит индикатором безысходности и потери смысла жизни. Убийство служит маркером крайней агрессивности и бесчеловечности. Разводы характеризуют крайнюю степень дисгармонии в семейных отношениях и т. д. На этом основании я предлагаю при демо-

графических моделированиях использовать перечисленные индикаторы духовных состояний. И тогда обнаружится, что необъяснимые прежде изменения народонаселения объясняются на 80% духовными факторами.

Обнаруживается, что для биологического воспроизводства рода огромное значение играет настроение людей, как они себя ощущают — свободными или как «в зоопарке», где даже животные не размножаются, тем более человек. Обнаруживается, что продолжительность жизни населения определяется наличием или отсутствием социального оптимизма — ощущает народ себя рабом позорным или первооткрывателем, который потому в истории наделал много ошибок, что идет первым. Если рабом, то даже на плодородных землях белгородчины, при полной кормушке за государственный счет не появятся в душе народа радость жизни, желание творить, рожать и жить. Значит, кроме материальной реальности есть идеальная реальность, влияющая на демографическое благополучие.

Если взглянуть на проблему шире, то придется прийти к выводу, что наряду с понятием «исторический материализм» следует ввести понятие «исторический идеализм». С начала XX в. человеческая история все больше стала подчиняться действию законов социальной психологии, исторического идеализма, где не только бытие определяет сознание, но и сознание определяет бытие. С таких позиций становится объяснимым, почему большевики победили в Октябрьской революции 1917 г. вопреки марксистской теории — народ того захотел. Понятно теперь, какая сила помогла «красным» победить «белых» в годы интервенции и Гражданской войны — народ того захотел. По поводу причин этой победы Ленин прямо заявил — цитирую: «вышло чудо, потому что из рабочих и крестьян поднялась такая сила против нашествия помещиков и капиталистов». Он, материалист до мозга костей, и вдруг невольно заговорил в идеалистических терминах — о чуде, о духе сопротивления, поднявшемся из душ рабочих и

крестьян. Или возьмем темпы роста промышленного производства в СССР после Второй мировой войны — по 300–400% ежегодно. Фантастика, но это реальный факт.

Последнее замечание. Теперь к вопросу об идеологии. Новая государственная идеология в России должна быть созвучной мечтам народа о справедливой жизни, поскольку причины злости и тоски, ведущие сейчас россиян к вымиранию, имеют формационный фундамент. Они порождены неприятием того строя, что сформировался за годы либеральных реформ, и невидением того, что должно прийти взамен.

Я отношу себя к поздним шестидесятникам. Ведь того, о чем мы тогда мечтали, не удалось достичь. И этому соответствует рассказ Владимира Ивановича Якунина о своем друге. Все получилось наоборот. Не этого хотел великий народ. Отсюда тотальная злоба плюс тоска от непонимания, куда идти, и есть ли свет в конце туннеля.

Поэтому главным лечением для народа сейчас будет увидеть образ желанного нового строя, реально достижимого, который придет на смену коммунизму и капитализму. В психологии такое лечение называется рациональной психотерапией, объясняющей суть происходящего. Как воздух людям нужен свет в конце туннеля — видение пути к справедливому и эффективному общественному устройству. А для формулирования основного лозунга подойдет следующая мысль: «Никогда прежде власть не была под контролем народа. Теперь станет — вот механизм контроля».

Управление страной может вмешиваться в ее «судьбу»

**С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук**

Несколько замечаний в том же поле, в котором делался доклад. Меня немножко напряг демографический пример. Население России на оси времени было представлено в виде длинных демографических трендов с репликой о том, что это сделано с позиций точной науки, которая якобы предсказывает именно такое изменение в российской ситуации. Но характерное время длинного процесса и короткого — совершенно разные. Физики и математики (гуманитарии меня простят) пользуются специальными методами и знают, что такое спектр Фурье, спектр частот, т. е. наличие процессов, имеющих разные характерные времена развития. Длинный тренд описывает теорию демографического перехода. Но есть еще и быстрые процессы (имея в виду не сотни, а десятки лет). Быстрые процессы, мне кажется, это способ реабилитации метафорически обозначенного докладчиком «чуда» как исхода для России. Возьмем дифференциальный показатель количества человеческих жизней на территории России в XX в. Это длинный тренд, но на нем есть революция (спад, естественно), ВОВ, голодомор, Горбачев, распад СССР, адаптация, дефолт (вниз), приход Путина (вверх). Важно что? Если взять дифференциальное демографическое приращение за счет длинного тренда, то горбачевский всплеск, сухой закон плюс новые ветры, новые надежды — тот самый фактор ментальности, духовности народа — все это показывает, что амплитуда быстрого процесса больше, чем амплитуда, связанная с длинным трендом. Возникает представление, что на фоне длинных процессов

есть еще социальное конструирование, позволяющее формировать будущее. Длинные процессы «внутри» себя содержат слишком большое количество социальных процессов и обменов, чтобы их зрительно представить. А вот короткие процессы — это рукотворные процессы. Можно было развалить СССР и сбросить демографию вниз, можно было, наоборот, новые ветры надежд возбудить и обнаружить значительный позитивный эффект, можно было Путину придти и дать новую надежду (кривая пошла в плюс). Сейчас этот пассионарный потенциал периода Путина утрачен, демография опять ушла вниз. Иными словами, управление возможно. И в этом состоит шанс и надежда. Поэтому формула «чуда», которую я перевожу на язык технологии, такая: это — воля. Она может проявиться, потому что может появиться такой человек. Ну, и это, конечно, национальная мобилизация. Это и управление в государстве.

И последнее. Два слова еще об одном очень важном ресурсе России, который тоже вытекает с кончика пера, если можно так выразиться. Это не результат качественных, сенситивных обсуждений или диагностик. У нас в Центре получены результаты по мотивации производительности труда в зависимости либо от оплаты труда (материальный фактор, движущий западную цивилизацию по пути прогресса), либо от нематериального мотиватора, ментального, духовного, ценностного плана. Если сравнить в зависимости от оплаты труда эту мотивацию для России, она отличается от европейской и, вообще, — от западной. Нет шансов у России соревноваться. Но если взять духовную мотивацию, нематериальную, то Россия превосходит и Европу, и Америку, и Японию. Вот это ресурс колоссальный. Иными словами, у России есть шанс. Ценность работы, которую ведет коллектив докладчика как раз в том, что она проецируется на некоторое доказательное управленческое поле, которое может привести к результату, всеми нами желаемому, чтобы болезнь России не оказалась летальной.

Мы начинаем существовать в весьма сложном мире

А.И. Неклесса

У России-РФ действительно сложная ситуация. Страна, пройдя индустриальную стадию развития, оказалась на пороге перехода в мир постиндустриальной культуры. СССР не одолел этого рубежа. Сейчас те же напряжения, плюс сформировавшийся в дополнение к ним новый комплекс негативных факторов, испытывает Российская Федерация. Складываются, к примеру, сложные отношения с понятием нематериальных ресурсов в самом широком смысле этого слова. И прежде всего это касается «человеческого фактора» — свободной, образованной, деятельной личности.

Миру, в который мы вступаем, можно дать много определений. Мне больше всего нравится определение «сложный мир». Мы начинаем существовать в весьма сложном мире, поскольку в нем гораздо больше влиятельных субъектов и объектов, больше людей, он подвижен, трансграничен, транснационален, высокотехнологичен, в нем действуют неунифицированные системы ценностей, по-разному мотивирующие различные группы населения планеты, включая «мировой андеграунд» и деструктивные тенденции.

И в этом сложном мире выигрывает та страна, та общность, которая обладает этим самым ресурсом — сложным индивидуумом. Почему? Сложный индивид — это одновременно и наиболее адекватный «инструмент» для эффективных действий в новой реальности. Человек настолько сложен, что подчас только он, а не высокотехнологичные устройства, способен решать те или иные критические задачи в новой

среде. Но это лишь прикладной аспект проблемы. Актуализация творческого потенциала человека пока лишь пунктиром намечает контуры новой социальной вселенной.

А что мы получили нас сегодняшний день в России? Во-первых, явно неадекватную оценку нематериальных ресурсов, а во-вторых — пренебрежение к человеку, качеству его жизни, что немедленно сказалось на проблеме морального и интеллектуального статуса России.

Сегодня в стране не создается сложный человек, а, наоборот, происходит моральная и интеллектуальная деградация населения, а местами — неоархаизация и аномизация. Российский интеллектуальный класс, так и не сформировавшись в эффективное сообщество, он либо уплощается, либо вымирает (мне кажется, мартиролог в этой сфере за последние лет 15–20 способен произвести ошеломляющее впечатление), либо покидает Россию.

Если пробовать строить какой-то лечебный диагноз, то, на мой взгляд, основная проблема — это попытка восстановления статуса человека и гражданина, а также смысловых оснований в России, решение концептуальных вопросов. Мне кажется, что на сегодняшний день прогноз у России как у государства в целом негативный, а если мы сможем отыскать какой-то позитивный прогноз, то он будет реализован уже в рамках Русского мира. У государства же Российского первая проблема — кадровая (если не считать коррупцию, но коррупция — это уже не проблема, а статус). Вторая проблема — демографическая. Они совершенно разные, но замыкаются на одном и том же существе — человеке.

Заключительное слово докладчика

Г.Г. Малинецкий

Дорогие коллеги, большое спасибо за очень содержательное обсуждение. С одной стороны, я очень рад, что коллеги высказались. С другой стороны, я понял, что свой доклад мне совершенно не удалось донести до слушателей.

Что касается замечаний профессора Гундарова. Мы с удовольствием послушаем Вас у нас на семинаре, у нас совершенно другие цифры. Мы провели международную конференцию по пьянству, у нас и европейских коллег совершенно другие, совершенно не совпадающие с Вашими данными. Это та вещь, которую надо обсуждать на научном семинаре, на конкретном уровне. Если Вы умеете учитывать влияние смысла жизни — отлично. Конечно, мы учтем это в своих моделях. Это действительно тот вопрос, где мы можем сотрудничать.

Что касается возражений профессора Ципко. Это только первые шаги. Конечно же, нужно взаимодействовать с гуманитариями. Проблема в том, что гуманитариев по большей части у нас в России просто нет. Когда я читаю Ваши труды, я вспоминаю, в какой стране я живу. Я понимаю, что мы с Вами много лет жили в разных странах. Вы оперируете в эмоциональном поле, в интуитивном поле, может быть, каком-то идеологическом. Но мы жили в разных странах. Бессмысленно спорить о теоремах, когда у нас разные смыслы и ценности, разные системы аксиом.

Опираться можно только на то, что оказывает сопротивление, причем не на уровне слов. Когда началась такая наука, как психология? Раньше люди описывали свои сны, ощущения, и результатов не было. Она началась после того, как в конце XIX в. люди поняли, что, во-первых, должен быть исследователь извне, и, во-вторых, надо измерять. Сейчас мы

активно работаем с рядом гуманитариев АН. Честно говоря, естественников и математиков в АН, простите, «как собак нерезаных». Они готовы строить модели, анализировать данные... Но найти эксперта-гуманитария, который находится не на позициях «хорошо» — «плохо», а на позициях конкретных данных, в которых можно обсуждать конкретные связи, почти нет. Это беда.

По тем или иным причинам не состоялись у нас гуманитарные науки. Настоящие гуманитарии — как золотые крупы в общей массе. Такова реальность. Конечно, если они есть, мы будем самым тесным образом с ними взаимодействовать.

Теперь относительно замечаний о том, что такое государство. Напомню В.В. Путина: «Государства у нас пока нет». Естественно, вы спрашиваете, каков прогноз? Наша лодочка идет к водопаду. Вы спрашиваете: «А что будет после водопада?». Мы идем к крутому повороту, к обрыву. Мы двигаемся на машине. Во многом будущее зависит от того, в какую сторону свернет шофер — вправо или влево. Пока он никуда сворачивать не хочет, пока он на полном ходу летит к обрыву. Есть, конечно, вопрос: а как мы будем падать? Может быть, такой вопрос и интересен, но мы им не занимались.

Сергей Георгиевич, я преподаю в четырех вузах разного профиля — и гуманитарного и естественнонаучного — и у меня абсолютно иные оценки. Если есть объективные данные, которые подтверждают Ваши надежды и Ваш взгляд, мы с удовольствием их проанализируем, мы с радостью будем иметь с ними дело. Мы были бы счастливы опираться на временные ряды, характеризующие социальную динамику. Но, как объяснил мне ваш директор, академик Г.В. Осипов, «Рядов нет. Есть отдельные результаты опросов. Как закажут — так мы и опрашиваем». Поэтому мы были бы рады на это опираться, но, к сожалению, не удается.

Еще один очень важный момент. Вы оперируете понятием «государство» и т. д. Это прозвучало у моего содоклад-

чика. Мы, как правило, имеем дело с симулякрами. Как бы государство у нас, с одной стороны, есть, а с другой стороны, его вроде бы и нет. На мой взгляд, выяснение, что же еще есть, а чего уже нет — одна из важнейших задач, где точный анализ и количественные методы были бы очень важны. Это реальное понимание того, где мы находимся. Важно чтобы мы могли оперировать конкретными, одинаково понимаемыми цифрами.

Вот Вы говорили в отношении Правительства. Хорошее ли оно или плохое — это сейчас не вопрос. Мы, к примеру, берем бюджет России и сразу все видим. Какие отрасли поддержаны? На что в эпоху кризиса увеличено финансирование? Вот, например, произошло увеличение на 40%... Как вы думаете, на что? — На Газпром, на топливно-энергетический комплекс. За ним идут телевидение и радиовещание. На что сокращены расходы? Тоже очень характерно. Каждая страна, которая выходила из кризиса, вкладывала ресурсы в образование, науку, оборону и инфраструктуру. У нас сокращено: государственные инвестиции в инфраструктуру — на 56%, субсидии бюджетов субъектов Федерации — на 19%, дорожное хозяйство — на 26%, культура — на 22%, далее сокращены фундаментальные исследования, внутренние войска, органы безопасности, стационарная медицинская помощь. Как только мы оказываемся на уровне цифр, сразу же масса вещей становятся совершенно понятными.

Если сформулировать одну мысль, которую я хотел донести до собравшихся, она очень проста. Она сводится к тому, что хотел донести до руководства лесковский Левша. Он приехал из Англии и говорит: «Государь, там ружья кирпичом уже не чистят, потому что если их кирпичом чистить, то они стрелять не будут». Я хотел сказать следующее: каждая развитая страна сейчас имеет мозговые центры, которые проектируют будущее, действительно развиваются на очень серьезном уровне, работают на государство. Люди уже играют в шахматы, а мы пока либо в домино, либо в подкидного

дурака, если судить по происходящему, по нашим успехам. Независимо от того, какие политические силы приходят к власти, если мы не будем иметь некий набор технологий проектирования будущего, высоких гуманитарных технологий, математических моделей, прогнозов, то у нашей страны нет никаких шансов.

Что касается идеологии, также возражу. Это не игра. В основе лежит дальний прогноз. Для научного прогноза он слишком дальний, это слишком большая экстраполяция. Но, давайте посмотрим документы США, они очень четко формулируют, куда они хотят придти через 40 лет. Посмотрим документы Китая, они тоже подробно все описывают, касающиеся целей, перспективы будущего. Это позволяет выстроить, соответственно, то, что меняется медленно, и культуру, и демографию, и технологии, дает ориентиры, чтобы строить нормальную политику.

Самый простой пример, с которым столкнулся наш институт. Нас спрашивают — сейчас Россия приступает к новой программе вооружений — какие вооружения нам нужны? Мы говорим, а вы скажите, кто наши враги и кто наши друзья? На каких театрах военных действий предполагается воевать? Что мы должны защищать? И какой у нас прогноз на 30 лет? Структуры наши властные пожимают плечами — а зачем вам на 30 лет? Да помилуйте, 10 лет пройдет от начала финансирования создания оружия, до того, как оно будет в войсках. В каждой стране, 10 лет — это некий характерный срок. Еще 20 лет оно будет на вооружении. В это время оно должно создавать для сравнимой угрозы. Для того чтобы сегодня решать совершенно конкретные задачи относительно добычи наших углеводородов, относительно больших дорожных проектов, крайне важно иметь длинный прогноз.

В отношении госкорпораций и всего остального, я опять хотел донести простую мысль. Есть два варианта: люди берутся решить задачу или как-то по-черномырдински — хотели как лучше, а получилось, как всегда. Вот те люди, кото-

рые хотели, как лучше, они виновны или их надо просто в угол поставить? Либо мы оцениваем дела и результаты, а не намерения. Это принципиальный вопрос. Доложу вам, что госкорпорации в настоящее время — это симулякр в чистом виде. Они обычно по-черномырдински делают вид, что находятся около неких проблем. На самом деле это реальные банки, которые, естественно, чем меньше проектов профинансирует, чем больше денег прокрутят, тем будет лучше. Это нынешняя реальность. Я бы, как советовал Конфуций, призвал бы правильно употреблять слова. Если мы понимаем, что это симулякр, давайте так честно это и скажем. Если у нас есть сомнения, давайте это обсудим и посмотрим.

Если мне удалось донести мысль о том, что России надо, чтобы выжить, независимо от того, какая элита придет, начать всерьез проектировать будущее, то я буду считать, что не напрасно выступал.

А.И. Неклесса:

Докладчик говорил о сокращении расходных статей бюджета. Но проблема скорее с другой стороны — я имею в виду планируемый трехтриллионный дефицит бюджета. Такой дефицит говорит о том, что сейчас-то особого сокращения в статьях, пожалуй, нет; оно, скорее, будет проходить в форме секвестра по мере колебания цен на энергоносители. Это означает, что у нас на сегодняшний день не планируется объем доходов, способный полностью закрыть расходные статьи, которые во многом сохраняются. Это весьма серьезная проблема, особенно если мы ее пролонгируем: откуда, скажем, взять деньги на аналогичные расходы в 2010 г. или 2011 г.? Подобный дефицит может означать крах Резервного фонда в течение уже ближайшего года или около того. Точно так же как в основном на операциях, связанных с поддержанием курса рубля и банковской системы, мы сократили более чем на треть — т. е. на 200 с лишним млрд долл. — наши международные резервы. Сегодня мы живем за счет мяса тучных

коров, но смогут ли оставшиеся и ставшие тощими буренки нагулять прежний вес?

Г.Г. Малинецкий:

Если Вас дернуло за язык сказать о дефиците, то меня тоже дергает за язык. Дело в том, что у нас Правительство и многие эксперты не владеют таблицей умножения. Сейчас истрачена треть нашего Стабилизационного фонда, 200 млрд долл. (точнее, наших международных резервов). При этом наш Минфин прогнозирует безработицу к концу года 10 млн человек. Американцы прогнозируют безработицу 15 млн человек — каждый пятый трудоспособный гражданин России. Арифметика показывает, что эти самые 200 млрд — это 10 млн рабочих мест на три года с зарплатой в 20 тыс. руб. На мой взгляд, если наше экспертное сообщество хотя бы научит наше общество владеть таблицей умножения, то это уже очень много даст.

А.И. Неклесса:

Проблема чрезвычайно сложна. Приведу всего один факт. В минимальных расходах россиянина каким-то чудесным образом не учтена плата за жилье. Другими словами, расчет минимальной стоимости жизни в стране делается только для... домо- или квартировладельцев! Поэтому у нас столь низка мобильность населения. Поэтому ужасает статистика, касающаяся молодежи. У человека, не имеющего недвижимой собственности, мало шансов на проживание в крупном городе, учитывая размер арендной платы за жилье. И сколько не создавай рабочих мест, человек из одного города в другой не может переехать, потому что плата за жилье если и не поглотит полностью, то откусит львиную долю от размера его заработной платы.

**Тематическая программа научного семинара
«Россия в историческом и мировом пространстве»
на 2009 год**

1. Геоэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме.
2. Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи.
3. Существует ли оригинальная русская цивилизация в пространстве между Востоком и Западом?
4. Модель симфонического мира и роль России в его становлении.
5. Будущие угрозы человечеству и России.
6. Социогенетические и политэкономические корни России как общества, страны, государства.
7. Механизмы взаимодействия цивилизаций: прошлое, настоящее, будущее.
8. Болезни России: актуальный диагноз и комплексный прогноз.
9. Критерии успешности страны, цивилизации, человечества.
10. Национальная идея России и ее проект миру.

**Список участников семинара
«Россия в историческом и мировом пространстве»**

- Агеев Александр Иванович** — доктор экономических наук, профессор, генеральный директор Института экономических стратегий РАН
- Афанасьев Георгий Эдгардович** — руководитель Экспертного клуба промышленности и энергетики
- Багдасарян Вардан Эрнестович** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса
- Балановская Елена Владимировна** — доктор биологических наук, руководитель лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра РАМН
- Бузгалин Александр Владимирович** — доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, координатор ООД «Альтернатива»
- Дугин Александр Гельевич** — доктор политических наук, профессор, руководитель Центра консервативных исследований МГУ им. М.В. Ломоносова
- Кара-Мурза Сергей Георгиевич** — доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН
- Кара-Мурза Алексей Алексеевич** — доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной и политической философии Института философии РАН
- Лексин Владимир Николаевич** — доктор экономических наук, руководитель научного направления Института системного анализа РАН
- Малинецкий Георгий Геннадьевич** — доктор физико-математических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН

- Межуев Борис Вадимович** — кандидат философских наук, заместитель главного редактора «Русского журнала»
- Межуев Вадим Михайлович** — доктор философских наук, Институт философии РАН
- Нарочницкая Наталия Алексеевна** — доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы
- Неклесса Александр Иванович** — председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН
- Окара Андрей Николаевич** — кандидат юридических наук, директор Центра восточноевропейских исследований
- Пивоваров Юрий Сергеевич** — академик РАН, директор Института научной информации по общественным наукам РАН
- Пономарева Елена Георгиевна** — кандидат политических наук, доцент МГИМО (У) РФ
- Рогов Сергей Михайлович** — член-корреспондент РАН, директор Института США и Канады
- Соловьев Александр Иванович** — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой МГУ им. М.В. Ломоносова
- Сулакшин Степан Степанович** — доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования
- Фурсов Андрей Ильич** — кандидат исторических наук, директор Института русских исследований Московского гуманитарного университета
- Ципко Александр Сергеевич** — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН
- Чернавский Дмитрий Сергеевич** — доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН
- Шубин Александр Владленович** — доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН

Научное издание

**Болезни России:
актуальный диагноз и комплексный прогноз**

Материалы научного семинара
«Россия в историческом и мировом пространстве»

Выпуск № 3

Редактор Ю.Е. Мешков
Технический редактор О.А. Середкина
Художественное оформление С.Г. Абелина
Компьютерная верстка О.П. Максимовой

Наш адрес:
107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03,
981-57-04, 981-57-09
E-mail: frpc@cea.ru, info@rusrand.ru
www.rusrand.ru

ISBN 978-5-91290-061-7

Сдано в набор 01.06.2009 г.
Подписано в печать 08.06.2009 г.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 7.5.
Отпечатано в ООО «Типография Парадиз»
Тираж 500 экз. Заказ 000